

622857

A L'illustre mémoire du célèbre écrivain
LÉON TOLSTOI
de L'université de Kazan

**ВЕЛИКОЙ ПАМЯТИ
Л. Н. ТОЛСТОГО
КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
1828—1928**

**КАЗАНЬ
1928**

A L'ILLUSTRE MÉMOIRE
DU CÉLÈBRE ÉCRIVAIN
LÉON TOLSTOI
DE L'UNIVERSITÉ DE KAZAN

1828 — 1928

K A Z A N

1 9 2 8

622857

**ВЕЛИКОЙ ПАМЯТИ
Л. Н. ТОЛСТОГО**

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

1828—1928

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000009274

КАЗАНЬ

1928

ной Анатолием Васильевичем Луначарским на торжественном заседании в Московском государственном Большом театре 10 сентября 1928 года. Этот праздник для нас не есть нечто «праздное». Этот праздник есть акт познания. Особенно должен быть подчеркнут такой смысл юбилея в Казанском университете, вся деятельность которого на протяжении его почти 125-летней истории есть не прерывающийся поток познания.

Философский и социологический анализ личности и творчества Льва Николаевича Толстого, данный марксистской методологией, блестящая оценка мировоззрения Толстого, данная Плехановым и Лениным— вот те краеугольные камни, на которых должны строиться выводы о ценности Толстого для нашего времени и для наших задач. Наша революция, разрушая и отменяя негодное, заботливо подбирает бриллианты и жемчужины в разрушенном прошлом. Принимая Толстого,— говоря словами Плеханова «отсюда и досюда», мы обнажаем наши головы перед памятью гения художника и мыслителя, бесстрашно бичующего язвы и пороки класса, из которого он сам вышел и предвидел его грядущую гибель.

П. Галанза.

ТОЛСТОЙ В УНИВЕРСИТЕТЕ.

Поступление Льва Николаевича в казанский университет можно трактовать, как одну из многих случайностей его жизни. Была ли эта случайность печальной? Это зависит от взгляда, который будет, разумеется, тем правильнее, чем беспристрастнее мы изучим вопрос о пребывании Л. Н. Толстого в казанском университете. Напомним с самого начала, что сам Л. Н. Толстой полагал, что казанский университет явился скорее помехой его умственным запросам и интересам, чем помощником в искании им путей к научной истине,— значит полагал, что казанский университет был печальной случайностью в его, Л. Н. Толстого, жизни. Так ли это? Если так, то кто был виноват в этом: университет ли был ниже того, что предъявлял ему Лев Николаевич, или он сам, не поняв настоящего назначения высшей научной школы, не сумел из казанского университета взять то, что он мог дать и что он дей-

ствительно давал всем, не пред'являвшим к нему каких-либо фантастических требований.

О КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 40-х ГОДОВ.

От начала 30-х г.г. до 1848 г. казанский университет, как и другие русские университеты, напр. московский и петербургский, не находился в упадке. Скорее напротив, потому в особенности, что время с 1827 г. (24 февраля) по 1845 г. (18-е апреля) было эпохой попечительства Мусина-Пушкина, сыгравшего для казанского университета роль, хотя в иных личных и бытовых тонах, но аналогичную с тою, какая еще более прославила гр. Строганова в его отношении к московскому университету.

Университет устраивался и внешне и внутренне: строились новые здания для научных и учебно-вспомогательных учреждений, основывались новые кафедры, приглашались достойные преподаватели. И вот прошло немного лет после мракобесной эпохи Магницкого, как казанский университет встал высоко во мнении общества.

Университетским деятелям в эпоху управления Казанским Учебным Округом Мусина-Пушкина можно было дышать сравнительно свободно,—разумеется, в пределах, которые

вполне определенно очерчивались формой правления и общими «видами правительства,»—в пределах, ни на минуту не забывавшихся самыми лучшими, самыми учеными и талантливыми преподавателями русского университета. Таких преподавателей в казанском университете тогда была целая плеяда, делавшая его университетом в точном смысле этого слова, несмотря на то, что в нем же не мало было и иного типа «жрецов науки», людей посредственных, даже прямо бездарных или отставших от научного движения, опустившихся, дававших много пищи лишь студенческому юмору.. Достаточно вспомнить о Н. И. Лобачевском, который, как ученая величина, конечно, стоял во главе выдающихся знаниями и талантами представителей казанского университета 40-ых годов. Значение великаго геометра начали сознавать тогда же и не где-либо в ином месте, а в казанском университете, где превосходный профессор прикладной математики Котельников в актовой речи 1842 г. «О предубеждении против математики» заявил: «не могу умолчать о том, что тысячелетние тщетные попытки доказать со всею математическою строгостью одну из основных теорем геометрии, равенство суммы углов в прямолинейном треу-

гольнике двум прямым, побудило достопочтенного заслуженного профессора нашего университета предпринять изумительный труд, построить целую науку, геометрию, на новом предположении: сумма углов в прямолинейном треугольнике менее двух прямых—труд, который рано или поздно найдет своих ценителей» ¹⁾).

Кроме названных профессоров, на 2-м отделении философского факультета в рассматриваемое время находилось еще несколько видных ученых, как-то: профессор астрономии Симонов, химии Зинин и др. В 1-м отделении философского факультета, в частности на разряде восточной словесности, тоже имелись выдающиеся ученые и преподавательские силы. На разряде общей словесности преподавали такие знающие и способные люди, как профессора—русской словесности Карл Фойгт, римской—Благовещенский, стяжавший себе впоследствии

¹⁾ Обзорение преподавания в Импер. Каз. Унив. за 1842—43 уч. г. Казань. 1842 г., стр. 18. Таким образом в Казани заслуги Н. И. Лобачевского понимающим дело ученым были оценены раньше и определеннее, чем за границей, где немецкий математик Гаусс лишь в 1846 году высказался, хотя и с существенной оговоркой, в пользу Лобачевского (Сравни *А. В. Васильев*, „Николай Иванович Лобачевский“, СПб., 1914 г. стр. 93—95).

редкую в истории русского классицизма почетную известность—не компиляциями, а оригинальными трудами; наконец, в первом отделении в 40-х годах гремел профессор Н. А. Иванов, обладавший солидными знаниями, как в философии, особенно в новой немецкой, так и в истории, особенно в русской.—Но при всем том это был историк старой школы, образцом которой в России был Карамзин: Н. А. Иванов красноречиво рассказывал об исторических лицах и о «достопамятных событиях», заменяя истинное воодушевление искусственным пафосом и риторической декламацией. На разряде восточной словесности Лев Николаевич встретил таких знатоков разных отделов этой отрасли филологии, как Осип Ковалевский—по монгольскому языку, Мирза-Александр Казем-Бек—по арабскому и персидскому языкам, Илья Березин по турецкому языку и литературе, приобретший крупное имя в ученом мире и др. Юридический факультет, был слабее, но и на нем были знающие и даровитые преподаватели. Таковы: Станиславский, специалист по энциклопедии законоведения,—профессор, о котором с уважением вспоминали его слушатели даже 70-х годов; Евграф Осокин, большой знаток истории финансовых учреж-

дений в России; Горлов, впоследствии профессор политической экономии петербургского университета, профессор, которого, впрочем, за отъездом его в заграничную командировку, Л. Н. Толстой не мог слушать; но особенно, Дмитрий Ив. Мейер, один из создателей русского гражданского права, как научно-юридической дисциплины, читавший этот предмет так увлекательно, что лектор, а вместе с ним и его наука приобрели полное признание у лучшей части тогдашних студентов-юристов.

Но в казанском университете 40-х годов была еще преподавательская сила на факультете, круг наук которого никогда не пользовался особым вниманием Л. Н. Толстого,—на медицинском; эта сила—профессор анатомии Евгений Филиппович Аристов. Влияние этого профессора не ограничивалось медицинским факультетом: оно было настолько сильно, что захватывало все казанское студенчество, покоренное не только обаятельным лекторским талантом Аристова, но и всею его личностью, в высшей степени самобытную, представлявшую редкое гармоническое сочетание широкого, философски настроенного ума с непоколебимо-твердым характером,—сочетание вдохновенного слова с живым делом.

Е. Ф. Аристов в казанском университете 40—50-х годов был тем же самым, чем был Грановский в то же время в московском университете—не только умственной, но и высокой моральной величиной, совестью университета.

И раз в среде профессоров казанского университета 40-х годов находилась такая выдающаяся личность, как Е. Ф. Аристов, то тем более нельзя говорить, что этот университет не мог бы ничего дать Л. Н. Толстому¹⁾. Нет, он ему мог дать, кроме знатоков—специалистов по некоторым предметам тех факультетов, на которые он записывался, еще великий пример истинного профессора-учителя не только известной отрасли знания, но и трудовой жизни.

психологический облик толстого юноши.

Природа наделила Л. Н. Толстого оригинальным складом ума и характера. Внешность мальчика, описанная потом самим Л. Н. Толстым, была некрасива, и это обстоятельство еще более развивало природное самолюбие, доводило его до болезнен-

¹⁾ Подробности по этому вопросу см. в моей статье: «Л. Н. Толстой в Казанском Университете»—в «Голосе минувшего», 1915 г., кн. 12.

ности. Наружностью нельзя было взять,— надо было брать какую-нибудь выдумкой, всякого рода необыкновенными выходками, долженствующими произвести на окружающих то или другое сильное впечатление; отсюда эти изумительные поступки Толстого-отрока, то остригающего себе брови, то задом входящего в комнату и кланяющегося тем же способом, откидывая голову назад и шаркая, то бегущего до полного изнеможения за тройкой, то выпрыгивающего из окна с высоты нескольких сажен. Чрезвычайно важно отметить эту психологическую особенность Л. Н. Толстого, ибо в весьма значительной мере она объясняет то отношение к университетской науке, которое он усвоил себе во время пребывания своего в казанском университете. Природный оригинальный ум Л. Н. Толстого соединился в жизни с ранним сиротством, следовательно, с ранним одиночеством, с отсутствием того, никаким другим незаменимого руководства, которое ребенок получает от попечительных родителей,— в отрочестве особенно от матери. Совпадение же отмеченных условий,—внутреннего и внешнего,—повлекло за собой раннее самоуглубление, развитие наклонности к самоанализированию и философствованию.—

Эта склонность к размышлению, делавшая Л. Н. Толстого маленьким философом уже на заре его жизни, однако не превращала его в нелюдима, исключительно сосредоточенного на своих внутренних переживаниях. Это была всесторонняя, живая, общительная натура, и ничто человеческое не было ей чуждо. При кипучести темперамента, Л. Н. Толстой с отроческих лет за все принимался с захватывавшим его увлечением, иной раз переходившим всякие границы. Поэтому порывы углубления в самого себя, внутренних оценок своей собственной особы и других, а также и разных житейских обстоятельств у Л. Н. Толстого чередовались с порывами необузданной веселости, откровенного общения с себе подобными, с странными и причудливыми поступками, полубессознательно рассчитанными на приобретение лестной для него славы. Самолюбие и славолюбие весьма резко были выражены у отрока и юноши — Толстого; отсюда — поразительная, нередко заставлявшая его сильно страдать, застенчивость Л. Н. Толстого. Удивительно ли, что мальчик с таким характером учился плохо? Ученье было слишком обыкновенным, будничным, а потому неинтересным, скучным делом. Толстой же с отроческих лет жаждал необыкновен-

ного, возвышенного и героического, способного потрясти человеческие умы и сердца. Поэтому он едва-едва подготовился к поступлению в университет при всей незначительности научных требований, с которыми университет обращался тогда к поступающим. В соответствии указанным двум основным чертам личности Л. Н. Толстого,—т. е. его склонности к самоуглублению, философствованию и склонности к блистанию в обществе—находятся и две основные стороны его жизни в юношескую пору, в которых как нельзя лучше и отражался его психологический облик. Л. Н. Толстой то вдумчиво анализирует свои страсти и поступки, стремится быть хорошим, пишет философские трактаты и составляет программы дальнейшей жизни и деятельности, то заботится лишь о том, чтобы быть *comme il faut*. А так как то и другое времяпровождение идет рука об руку, смешивается в единую довольно-таки нервную безалаберщину, то в результате получается разочарование, полное недовольство самим собой, из которого Л. Н. Толстой и выходит на время чрез резкую перемену жизненной обстановки. Первая сторона жизни Л. Н. Толстого в изучаемых пределах достаточно, кажется, иллюстри-

руется, напр., такими фактами, как его статья под заглавием «О цели философии», относящаяся к 1846—47 уч. году (последнему году пребывания его в казанском университете), где философия определяется так: «Человек стремится, т. е. человек деятелен. Куда направлена его деятельность? Каким образом сделать эту деятельность свободной? В этом заключается цель философии в ее истинном значении. Другими словами: философия есть наука жизни». Сюда же относятся и разные наброски на философские темы: «О рассуждении касательно будущей жизни», «Определение времени, пространства и числа», «Методы», «Разделение философии», «О симметрии» и т. под. ¹⁾).

Размышлял в то время Л. Н. Толстой не только о «цели философии» и о назначении жизни человеческой, в частности своей, но и о женщине, которая сильно волновала юношу, влюблявшегося в красивых барышень и одновременно страдавшего от сознания своей внешней непривлекательности. Л. Н. Толстой предчувствовал те горькие разочарования, которые

¹⁾ Биография Л. Н. Толстого, составл. П. Бирюковым, 2-ое издание, т. I, Москва, 1911 г., стр. 103 и 154.

ждут его на женолюбивом пути, вероятно, видел даже, как далеко он может зайти по этому пути, и потому, останавливаясь на вопросе о женщине, приходил к крайне отрицательному воззрению на нее, как бы защищая себя таким способом от той опасности, которая могла бы грозить ему с этой стороны: «Смотри на общество женщин», увещевал юный философ самого себя, «как на необходимую неприятную жизнь общественной, и, сколько можно, удаляйся от них» ¹⁾. Но это, очевидно, писалось со зла горя. Составленный Л. Н. Толстым в то время идеал человека—un homme très comme il faut—противоречил столь пессимистичному взгляду на женщин. Такому человеку можно было обойтись без многого, в том числе без веры в бога, которая у Л. Н. Толстого очень легко и рано, с 15—16 лет (когда он начал читать философские книги), сменилась сознательным неверием; но невозможно представить себе такого человека с плохим французским произношением, без длинных, хорошо вычищенных ногтей, без презрительной гримасы на лице, долженствующей означать скуку, и без частого и притом фатоватого пребывания в женском обществе.

¹⁾ Биография Л. Н. Толстого, *П. Бирюкова*, I, 162.

Жизненная сторона такой сильной и страстной натуры, какую обладал Л. Н. Толстой, в юношеские годы его преобладала над «философской», так сказать, стороной его личности, а потому вполне естественно, что он тяготел к молодым людям из аристократического круга г. Казани; к этому кругу до некоторой степени принадлежал и Н. Н. Булич, танцовавший, по его собственному показанию, вместе с Л. Н. Толстым на «губернских баликах»; но, конечно, не этот, серьезно преданный своим университетским занятиям, знакомый Л. Н-ча был в числе тех, с которым Л. Н. Толстой преимущественно проводил свое время, а те молодые казанские аристократы, которые были преданы исключительно светской жизни, «баликам» и др. подобным увеселениям. На всех остальных людей, не удовлетворявших его представлению о настоящем человеке его круга, Л. Н. Толстой смотрел с нескрываемым презрением.

толстой—студент.

По зачислении в студенты Казанского университета (3-го окт. 1844 г.), началась студенческая жизнь Л. Н. Толстого. Учебные итоги ее выяснились на полугодичном испытании того же 1844—45 уч.

года: Л. Н. Толстой получил неудовлетворительный бал (2) по одному из предметов своей специальности—по арабскому языку и не явился на экзамен по истории общей литературы, выдержал же его лишь по церковно-библейской истории всего на 3 и французскому языку—на 5; оба эти последние предмета были известны Л. Н. Толстому с детства, но церковно-библейскую историю он, очевидно, начал уже забывать в своем юном философском настроении, а во французском языке, входившем в кодекс обязательных предметов для человека *comme il faut*, не мог, конечно, разучиться, хотя бы и не ходил на лекции по этому предмету. Вообще, внимательно к лекциям в первый год своего учения в казанском университете Л. Н. Толстой не обнаружил, о чем свидетельствуют баллы в графе «прилежание»: 2—по арабскому языку и церковно-библейской истории и 3—по французскому языку. На основании таких итогов полугодичного пребывания в университете, Л. Н. Толстой не был допущен к весенним переходным экзаменам и оставлен на 1-м курсе еще на год, при поведении, аттестованном всего-на-всего четверкой. После этого второго экзаменационного провала Л. Н. Толстой уже не

пожелал остаться на выбранной им специальности — «арабско-татарской словесности», ибо, как показывает балл по арабскому языку на полугодовом испытании, не подвинулся вперед в этой отрасли ориенталистики. В октябре 1845—46 уч. года Л. Н. Толстой перешел на юридический факультет. В конце этого же года, по собственному позднему свидетельству Л. Н. Толстого, он «в первый раз стал серьезно заниматься». Он заинтересовался энциклопедией права и уголовным правом. Помимо лекций по этим предметам, внимание юного студента Толстого было привлечено беседами, которые устраивал на лекциях профессор уголовного права Фогель, при чем собеседование о смертной казни «очень заинтересовало» Л. Н. Толстого, как он сам отметил на рукописи его биографии, составленной П. Бирюковым.

Сверх всего этого, Л. Н. Толстой приступил и к первой своей чисто научной «работе» на тему, данную ему профессором гражданского права Мейером: «сравнить „*Esprit des lois*» с «Наказом» Екатерины», «и эта работа», свидетельствовал уже в глубокой старости Л. Н. Толстой, «очень заняла меня».

Эти, „серьезные занятия“, вероятно, и дали Л. Н. Толстому возможность благо-

получно выдержать весенние экзамены и перейти на второй курс, несмотря на то, что полугодичное испытание и на юридическом факультете у Льва Николаевича как будто бы опять скорее обещало оставление на второй год; в самом деле, лишь по истории римского права да по немецкому языку, который, как и французский, был известен Льву Николаевичу с детства, он получил высокие баллы (4 и 5, при 2 за прилежание), а по остальным предметам или получил балл 2—по теории словесности и общей истории,—или совсем не экзаменовался—по богословию и русской истории. На весенних же испытаниях Л. Н. Толстой получил удовлетворительный балл (3) по истории общей и русской, теории красноречия и немецкому языку, хороший (4) по энциклопедии права, истории римского права и латинскому языку и отличный (5)—по логике и психологии. Тем не менее 3-й год студенчества Л. Н. Толстого оказался для него последним. Январские полугодичные экзамены, очевидно, внушили Л. Н. Толстому мысль, что лучше выйти из университета, чем оставаться на второй год на втором курсе юридического факультета. Действительно, хотя по русскому государственному праву и по энци-

клопедии права талантливый и знающий Станиславский поставил Л. Н. Толстому хороший балл (4), прилежание его этим же профессором оценено баллом 2; немудрено, после этого, что тот же балл за прилежание был поставлен Л. Н. Толстому по предметам, по которым его познания были аттестованы баллом 2, — по истории русского гражданского права профессором Мейером и по теории уголовного права профессором Фогелем; по остальным предметам, входившим в состав годичного испытания, Л. Н. Толстой уже не экзаменовался, при чем в ведомости по немецкому языку, вместо отсутствующего экзаменационного балла, написано: «не ходил на лекции», а в ведомостях по общей и русской истории написано: «весьма ленив». Последнюю аттестацию выдал Л. Н. Толстому профессор Н. А. Иванов, очевидно, тоже за нехождение на его лекции, за что Л. Н-чу даже довелось с сутки провести в университетском карцере. Повидимому, и сам Толстой понял, что дальше в университете он не может учиться, и потому в апреле 1847 г., до начала весенних экзаменов, вышел из числа студентов «по разстроенному здоровью и домашним обстоятельствам», как он заявил в своем проше-

нии, написанном собственноручно (тогда как прошение о принятии в студенты было написано и подписано за Л. Н. Толстого другим лицом)¹⁾. В свидетельстве, которое из университета получил Л. Н. Толстой, аттестация его познаний в науках была ему дана соответственно тем успехам, которые им были обнаружены при переходе из первого курса юридического факультета на второй, а успехи его на втором были объявлены неизвестными, на том основании, что «годовых испытаний еще не было». Поведение Л. Н. Толстого, наоборот, было «известно» университетским властям за все время его пребывания в университете, и оно было аттестовано, как «отлично-хорошее». Университетская наука требовала медленного, систематического труда, большого запаса терпения и умственной выдержки, т. е. как раз того, к чему не лежали ни ум, ни сердце Л. Н. Толстого.

¹⁾ В бумаге правления унив., подписанной одним из деканов — Казем-Беком, от 19 апр. 1847 г., сказано: „Своекоштного студента юридического факультета 2 курса графа Толстого, согласно прошению, по домашним обстоятельствам (о разстроенном здоровье умолчено), правление университета, из числа студентов уволив, сообщает о сем, для сведения, оному факультету“ (Арх. Каз. Универ., 1847 г., № 3).

И потому лишь только он ¹⁾ перешагнул университетский порог, как для него начались разочарования. Единица по всем отделам истории, полученная Львом Николаевичем на вступительных экзаменах, и двойка по общей истории, полученная им на полугодовом испытании во время первого года пребывания на юридическом факультете, нанесли, повидимому, наиболее тяжкую рану громадному самолюбию Толстого. Он никогда не забывал своего исторического провала, о чем свидетельствуют его позднейшие, не совсем точные воспоминания об этом ²⁾, а во время своего студенчества перестал посещать лекции по истории, сейчас же найдя и теоретическое обоснование практически - отрицательному отношению своему к этому предмету. „История“, говорил Л. Н. Толстой своему компаньону по отбыванию карцерного наказания, «это ни что иное как собрание басен и бесполезных мелочей, пересыпанных массой ненужных цифр и собственных имен. Смерть Игоря, змея, ужалившая Олега, что же это как не сказки, и кому нужно знать, что второй брак

¹⁾ При поступлении.

²⁾ Сочинения гр. Л. Н. Толстого. Москва, 1886 года, 133—134.

Иоанна на дочери Темрюка совершился 21 августа 1562 г., а четвертый на Анне Алексеевне Колтовской в 1572 г.»... «А как пишется история?»—продолжал юный критик: „Все пригоняется к известной мерке, измышленной историком“, и проч. Это и подобное говорил студент, отсиживавший в карцере за нехождение на лекции истории; он желал понять, „как и почему“ происходит в истории, знать причины, напр., глубоких психологических перемен в исторических характерах, а слышал красивое, но напыщенно-холодное изложение одних событий в устряловском стиле. Последним он не удовлетворялся, и таким образом его самолюбие, оскорбленное непризнанием его оттого, что он не мог „задалбливать“ все требуемое, находило себе опору в его критически развивавшемся сознании, что всё это не то, что всё это—никому «ненужное»... И Л. Н. Толстой быстро проникся убеждением, что «чрезвычайно» глупо и даже не сомне *il faut* стараться быть „первым“, а надо так «держаться» в университете, как держатся светские люди: „ни слишком дурно, ни слишком хорошо“ ¹⁾. Значит, в данном случае, кроме размышления и

¹⁾ Сочинения Л. Н. Толстого, 1, 274.

оценки университетского преподавания с общих точек зрения, на помощь студенту Л. Толстому приходило стремление быть светским, *comme il faut*. Он не только танцевал на многочисленных балах и «баликах», но и «катался с гор с барышнями», бывал в маскарадах, участвовал в любительских спектаклях и живых картинах. Успех Льва Николаевича в подобных увеселениях льстил его самолюбию.

Об этой жизни у Л. Н. Толстого сохранились очень приятные воспоминания, значительно более приятные, чем о казанском университете. То, что зависело вполне от его воли, он все испытал во время своего студенчества. Увлекаясь окружавшей его средой, он временами и кутил с аристократами-студентами, которые естественно пили во время кутежей одно шампанское, как свидетельствовал впоследствии Л. Н. Толстой в своей повести—„После бала“. В этой среде щеголей и фатов существовал свой взгляд на университет, как на одну из скучных жизненных подробностей, которую можно допустить, но к которой не стоит относиться серьезно и которая, во всяком случае, не является неизбежной и может быть променена на чтонибудь более выгодное и ин-

тересное,—на сельское хозяйство или на военную службу. Л. Н. Толстой, бывший тогда плотью. от плоти и костью от костей этой среды, легко усвоил себе этот взгляд и тем более отставал от университетских занятий, побеждавшихся жизнью, чем более проникался пренебрежением к самой университетской науке и становился „весьма ленив“, как аттестовал его один из непризнававшихся им университетских учителей. Университет той поры обслуживал интересы определенного социального слоя—служилого, распадавшегося на высшую дворянскую и низшую дворянско-разночинскую группы. Это обстоятельство и вело к тому, что молодые люди во время своего студенчества, как свидетельствует сам Толстой, только «учились и веселились»; но учились они плохо, и чем сильнее веселились, тем слабее учились.

Стало быть, и в студенческой массе, в общем состоянии тогдашнего студенчества казанского университета Л. Н. Толстой не находил морального противодействия той «праздной, роскошной жизни», которою он без меры увлекся в бытность свою студентом и которая и повлекла за собой невозможность для него оставаться в университете без нового тяжкого удара

его самолюбию. Принадлежа, по своему сословному положению, к первой из означенных выше групп, Л. Н. Толстой, поставивший себе целью быть прежде всего *comme il faut*, естественно с известным пренебрежением относился ко второй группе, т. е. к большинству студенчества. Но чувствуя себя по своим умственным силам, по своему философскому настроению и по замыслам, поднимавшимся в его богатом воображении, гораздо выше и своих товарищей-аристократов, Л. Н. Толстой, веселясь с ними, не находил себя вполне подходящим и для их общества, считал (как это видно из повести о «Юности») «этих господ» «глупыми», а потому у него тем скорее и прочнее создалось решение покончить с казанским университетом и вместе с ним и со всею своею казанскою жизнью, приятною для него, но несовместимую ни с университетскими занятиями, ни с дальнейшими его планами.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕВЫВАНИЯ ТОЛСТОГО В УНИВЕРСИТЕТЕ.

Пребывание в университете оставило в душе Толстого горький осадок. В известной мере тут говорило обиженное учебными неудачами весьма чувствительное

самолюбие Льва Николаевича. Это заметно по тому, как он изображал профессоров в повести о «Юности»: тот, который поставил герою повести 5, имел „умное выражение“, а поставивший двойку имел «гадкий выговор» и вообще изображается исключительно отрицательными чертами ¹⁾. Высокомерное отношение к университетским профессорам и профессорским лекциям нашло себе место не только в этой повести, но и в позднейших его разсуждениях о воспитании и образовании ²⁾. «Нового, чего-нибудь такого, чего не могут узнать из книг студенты, они не узнают от профессоров», утверждал впоследствии Толстой; при этом, помня, очевидно, только о нелестной оценке его профессором Иезановым, совершенно неправильно приписывал ему свой переход с первого курса на второй, случившийся яко бы потому, что этот профессор „поссорился пред тем“ с его, Толстого, «домашними» ³⁾. Спокойного и беспристрастного отношения лично к нему преподавателей казанского университета, в том числе, вероятно, и проф.

¹⁾ Сочинения Л. Н. Толстого, цит. изд. 1, 269, 371—273.

²⁾ Сочин. I, 388; IV, 132—135.

³⁾ Сочин. IV, 133 и 135.

Иванова, Толстой, предполагавший обратить на себя особенное внимание ¹⁾, не мог никогда им простить и потому навсегда забраковал профессорские лекции, как один из источников образования: таково было сразу бросающееся в глаза психологическое последствие формально неудачного пребывания Л. Н. в казанском университете.

В глубокой старости, просматривая рукопись своей биографии (составл. П. Бирюковым) и остановившись пред вопросом о преждевременном оставлении им университета, Л. Н. Толстой ответил на этот вопрос так: «Причин выхода моего из университета было две: 1) что брат кончил курс и уезжал; 2) как это ни странно сказать, работа с «Наказом» и «*Esprit des lois*» (она и теперь есть у меня) открыла мне новую область умственного самостоятельного труда, а университет со своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей». Что касается первой причины то, конечно, это лишь побочное благоприятное условие для приведения в исполнение уже назревшего решения, самое большее — внешний толчек к этому исполнению: брат уезжал из Ка-

¹⁾ Сравни в сочин., 1, 261—266.

зани—удобно уехать и Льву Николаевичу, ибо, по его убеждению, ему не зачем здесь оставаться. Вторая причина одна из двух серьезных, настоящих причин выхода Льва Николаевича из университета. Он считает эту причину даже «самой главной» и своему немецкому биографу пояснил, что он, по свойствам своего характера, мог заниматься только тем, что его интересовало, и только этим одним, а уже ничем другим: «Я горячо отдавался всему», рассказывал Лев Николаевич Толстой своему немецкому биографу, — «читал безконечное количество книг, но все в одном и том же направлении. Когда меня заинтересовывал какой-нибудь вопрос, то я неуклонялся от него ни вправо, ни влево и старался познать все, что могло бросить свет именно на этот один вопрос». Рано определившаяся пытливая вдумчивость и выходящая из ряда вон способность глубоко проникаться умственными переживаниями неизбежно вели к этой односторонности, которую признал в себе сам Лев Николаевич и которая, разумеется, была не совместима с требованиями регулярного университетского учения. Лекции и подготовка к экзаменам забывались ради самостоятельного умственного труда.

Однако «мало интересовавшие» Л. Толстого казанские учителя все-таки не прошли для него бесследно и в положительном смысле. Ведь, та тема (сравнить «Наказ» с «Esprit des lois»), которая заинтересовала-таки Льва Николаевича, была дана ему одним из лучших казанских профессоров, преподавание и авторитет которого, очевидно, влияли и на Л. Толстого, хотя он и ленился «выдаблывать» требуемое. И изучение означенной темы не только открыло Льву Толстому неизвестную ему область самостоятельного умственного труда, но и дало возможность насладиться сознанием силы своей острой критической мысли, метко схватывающей самые существенные, реальные стороны вопроса и в данном случае приведшей его к тем, в общем правильным, выводам, что из двух начал заключающихся в «Наказе» — 1) революционных европейских идей и 2) деспотизма и тщеславия самой Екатерины — преобладает второе и что «Наказ» «принес больше славы Екатерине, чем пользы России» ¹⁾.

Далее, возможно, что на заинтересовавших его собеседованиях по уголовному праву Л. Н. Толстой впервые задумался

¹⁾ П. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, I, стр. 151.

над вопросом о смертной казни, и та моральная мерка, с которой трактовал он этот вопрос впоследствии, может быть, ведет свое происхождение из аудитории профессора Фогеля, хотя бы эта мерка и была плодом самостоятельных размышлений Льва Николаевича. Наконец, едва ли Л. Толстой-студент не почувствовал на себе,—может быть и против своей воли,—мощного влияния самого популярного профессора в казанском университете той эпохи — Е. Ф. Аристова. Л. Толстой не поведал нам об этом, но известно, что он далеко не всегда ссыался на свои настоящие источники. Трудно допустить, чтобы при том обаянии, каким пользовался Аристов в университете, Л. Н. Толстой не посетил ни одной его лекции и совершенно не заинтересовался этим удивительным преподавателем и оригинальным человеком: такое предположение было бы 'слишком не в пользу Толстого-студента. Смело можно предполагать обратное.

Таким нам представляется положительное психологическое последствие для Л. Н. Толстого от пребывания его в казанском университете, последствие, показывающее не бесплодность этого момента в жизни Льва Николаевича.

Н. Н. Фирсов.

ЛЮДИ И ИДЕИ ВЛИЯВШИЕ НА ТОЛСТОГО В КАЗАНИ.

I.

Фактами из биографии того или иного писателя мы не можем и не должны подменять их художественного творчества. Когда наша молодежь начала увлекаться Есениным, некоторые «борцы» с этим увлечением говорили сторонникам Есенина: ведь Есенин был хулиган и алкоголик, а потому вся его поэзия, как поэзия наполненная винными парами—вредна.

Такая «борьба» с есенинщиной приводила только к обратным результатам.

Действительно мы знаем, что и Пушкин в картишки любил перекинуться и насчет женского вопроса был неблагополучен и Некрасов на счет картишек, вина и женщин «время не терял», но при анализе их поэзии разве мы все это принимаем во внимание, как явления имевшие решающее влияние на их творчество?—Конечно нет.

Да, не всякий факт из жизни писателя и общественного деятеля имеет влияние на

Объединен. типо-литогр. Татиолиграф, Казанская, 9.
Техническая редакция П. М. Дульского.

их творчество. Но в отношении Толстого мы прямо должны сказать, что среда его не выпустила из своих объятий. Толстой стремился в конце своего творческого периода выйти из того круга интересов, в котором он находился всю свою жизнь, но из этого ничего не вышло. Следовательно для Толстого факт его дворянского происхождения и постоянное дворянское окружение оказались решающими.

Посмотрим же с этой точки зрения, какие мотивы для творчества Толстого могла дать Казань.

II.

Л. Толстой поступает сначала в Казанском Университете на восточный факультет или точнее—на разряд восточной словесности философского факультета.

Биографы Толстого не раз задавались вопросом—почему именно он избирает этот факультет? Проф. Н. Н. Фирсов думает ¹⁾, что может быть он желал быть самостоятельным по отношению к своим братьям, которые все трое поступали один за другим на математическое отделение, а может быть он рассуждал и так, что в та-

¹⁾ «Толстой в Каз. Ун-те», «Гол. Мин», 1915 г., № 12, стр. 21.

тарской Казани всего целесообразнее изучать татарский и арабский языки. Эти объяснения, как черезчур замысловатые, нам не кажутся особенно убедительными. Самое же простое объяснение стремления Толстого на восточный факультет, думается, заключается в том, что восточный «разряд» Казанского Университета в 30-40-х годах находился в блестящем состоянии, выделяясь среди остальных факультетов и «разрядов» и пользуясь известностью во всем ученом мире. Казань в эти десятилетия сделалась в лице Университета тем, к чему она была естественно предназначена самим своим географическим положением—центром ориентализма. Вот, например, как знаменитый финский лингвист М. А. Кастрен отзывался в те годы о Казанском Университете: ¹⁾ «Едва-ли есть в целом мире хотя один такой Университет, где бы так ревностно изучали восточную литературу, как в Казани. Здесь много кафедр, посвященных языковедению востока, как то: арабскому языку, армянскому, персидскому, санскритскому, монгольскому, тюркскому,

¹⁾ Kastren, „Nordiche Reisen und Forschungen“, 1856, с. 21. Цитир. по Лаврскому и Пономареву. «К. Фукс и его время», «Каз. Лит. Сборник», 1878, стр. 451—2.

китайскому, манчжурскому, и в числе учителей этих языков есть несколько природных восточников... Казанский Университет считает в числе своих ориенталистов мужей европейской известности и я вполне убежден, что в близком будущем именно здесь найдут свое решение важнейшие научные проблемы касательно Востока».

Потому то Толстой и поступает на это отделение как лучшее в Казанском Университете, предполагая в дальнейшем избрать дипломатическую карьеру, о чем мы, правда, в предположительной форме, читаем у П. И. Бирюкова.

III.

Характеризуя казанскую студенческую жизнь 40-х годов, Н. П. Загоскин ¹⁾ говорит, что студенчество тогда резко распадалось на две категории: аристократов и разночинцев. Между обоими группами, из которых группа разночинцев представляла собою большинство, существовало постоянное отчуждение.

Возьмем, например, времяпрепровождение обеих групп.

Студенты разночинцы «не стеснялись» в своих «занятиях» в свободные часы:

¹⁾ «Толстой и его студ. годы», «Историч. Вестн.», № 1, 1894 г.

длинная хроника скандалов и безобразий более или менее публичного характера заполняет собою целые тома делопроизводства 40—50 годов. Гомерические кутежи и попойки здесь уже не идут «в счет»: они носили хронический характер.

Безобразили и студенты-аристократы. Например, Симбирский уроженец студент и князь Ч-ев развлекался тем, что «вооружившись духовым ружьем, с чердака обстреливал и держал в постоянном осадном положении всю Поперечно-Красную улицу». Но вообще то студенты аристократы чуждались бурного разгула Казанских «буршей» и увлекались светской жизнью, где пьянство носило иной тон и где безобразия прикрывались внешним лоском. Балы, вечера, пикники, спектакли, рысаки, женщины—составляли альфу и омегу этих самодовольных барчат, которые поступали в Университет, сами не зная для чего.

Но не только благодаря внешним признакам распознавались студент разночинец и студент аристократ. Если в этот период мы не сможем еще ничего сказать о каком-нибудь студенческом движении, первые признаки которого начали появляться в Казани в 50-х годах, то всё же идеология и симпатии студента разночинца и студента

аристократа уже резко друг от друга отделялись. Правительство чувствует, что «третье сословие» в Университете вскоре будет приносить ему не малую толику хлопот: оно усиливает за студентом разночинцем наблюдение. В Университетском архиве, в любопытнейшем деле той эпохи, носящем название: «Собрание секретных бумаг с 1844 г. по 1863 г. на имя Инспектора студентов Университета» имеется бумага датированная 5 декабря 1844 г. (№ 5069) от попечителя Каз. Уч. Округа на имя Инспектора студентов Каз. Ун-та.

„До сведения Министерства нар. просвещения дошли сведения о существовании в С.-Петербурге между некоторыми университетскими студентами собраний, которые хотя и не имели в себе ничего злонамеренного, однакож, будучи скрываемы, не могут быть терпимы, как нарушение общего порядка. Домашними мерами и без огласки эти сборища прекращены. Не менее того зная, что подобная наклонность может появиться в иных Университетах, изменяясь в наружных формах своих по местности и что слухи о Петербургском происшествии могут легко дойти до других университетов в искаженном и преувеличенном виде, г. Министр сообщает мне об этом обстоятельстве и просит негласным образом обратить ближайшее наблюдение на поведение студентов вверенного мне университета и своевременными мерами ста-

раться предупредить всякие покушения к подобным уклонениям от порядка.

В следствие того, предлагаю Вам, Милостивый Государь мой, донести мне немедленно, не замечали-ли Вы чего либо подобного между студентами адезного университета; произвести ныне новое, совершенно безгласное, осведомление, нет ли каких скрытных собраний между ними в настоящее время, и в таком случае прекратить их под благовидным предлогом; на будущее же время иметь это обстоятельство в постоянном виду и при малейшем замечании принимать надлежащие меры, донося мне в то же время как о собраниях, так и о принимаемых Вами мерах".

Попечитель Каз. Уч. Округа,
тайный Советник *М. Мусин-Пушкин.*

Тринадцатого декабря 1844 г., повидимому, инспектор отвечал на это:

"Секретно. Господину Попечителю. В следствие предложения В. Пр. от 5 тек. месяца за № 5069 произведено мною секретное розыскание, по которому оказалось, что никаких между студентами К. У. тайных собраний не существует. Помощникам моим поручено было в разное время осмотреть все квартиры своекоштных студентов особенно по вечерам; кроме того я обращался к Г. Полицеймейстеру и частным приставам тех частей города, где живут студенты, под предлогом обязанности моей, согласно инструкции, осведомляться не сообщаются ли студенты между собой или у кого из учителей города. Все вышеупомянутые лица

утверждают, что ничего подобного не заметили, и что полиция, строго наблюдая, при малейшем подозрении известила бы меня.

.....Посещая ежедневно квартиры своих коштных студентов всегда неожиданно, весьма часто в ночное время, никогда не замечал ничего могущего дать повод подозревать существование каких-либо тайных обществ между студентами. На будущее же время имея это обстоятельство в постоянном виду, я не премину доводить до сведения В. П. о всяком случае могущем дать подозрение к чему-либо подобному и доносить о мерах принимаемых мною к прекращению могущих открыться между студентами тайных собраний¹⁾.

Попечитель не удовлетворяется все же полученным ответом и 16 декабря 1844 г. (№ 5262) посылает Инспектору студентов новое отношение:

„В последствие донесения Вашего от 13 тек. декабря нужным считаю еще раз подтвердить Вам, чтоб Вы имели строгое и неослабное наблюдение, дабы между студентами Казанского Ун-та никогда и ни под каким предлогом не было заведено собраний, и чтоб в случае малейшего замечания о чем либо между ними подобном Вы принимали решительные меры к прекращению их; о каждом Вашем замечании и о принятых Вами мерах вменяю Вам в обязанность немедленно мне доносить“.

Попечитель Каз. Уч. Округа,
тайный советник *М. Мусин-Пушкин* ¹⁾.

¹⁾ Подобная же переписка велась и в апреле 1848 г. по поводу „известных событий на Западе

Конечно, весь этот надзор велся исключительно за студентами разночинцами. Было бы странным, если бы мы предположили, что инспектор студентов посещал квартиру Толстых или его аристократических друзей! Мысли о каких-либо тайных собраниях не бродили в головах дворянского студенчества, т. к. головы эти были главным образом заняты заботой о «комильфотности» и проникнуты сословными пред-
рассудками.

Современный читатель с удивлением переспросит—«что это за комильфотность»?

Напомним, что у Пушкина есть в «Евгении Онегине» (про Татьяну) такая строфа:

«Она казалась верный снимок

Du comme il faut... прости

Не знаю как перевести».

Комильфо означало — приличное, принятое в большом свете. Толстой говорил потом в «Юности»—«Мое любимое и главное подразделение людей в то время, о котором я пишу, было—на людей *comme il faut* и на *comme il ne faut pas*.

Европы», когда приняты были меры „чтобы пагубные мудрования преступных нововводителей не могли проникнуть в учебные заведения... и в особенности в Ун-ет“ (из того же дела, л. 4).

Мое comme il faut состояло—первое и главное в отличном французском языке и особенно в выговоре».

Люди принадлежавшие к этому «высшему свету» занимались по зимам в Казани «интересным» делом.—Было важно только провести время, убить скуку, ибо никто и никаким производительным трудом себя не обременял. Ведь крепостной еще трудился на помещичьих полях.

Один из иностранных хроникеров писал про характер тогдашней великосветской жизни в Казани. Холостому человеку, говорил он, можно было вовсе не иметь у себя стола, т. к. существовало по крайней мере 20—30 домов, куда ежедневно сходились обедать много лиц (конечно, принадлежавших «к свету»), без всякого приглашения: оставалось лишь избрать дом, где можно надеяться на большее удовольствие. Вскоре, после окончания обеда, поболтав, все отправлялись по домам спать. Вечером снова ехали куда нибудь на раут или бал, оканчивавшийся ужином. Домой возвращались в 5—6 ч. у. На следующий день вставали не ранее полудня, с тем чтоб опять продолжать то же самое.

Толстой и вращался среди этого круга и всегда—с большим увлечением, хотя подчас и не находя удовлетворения.

— Без ужаса, омерзения и боли сердечной не могу вспомнить об этих годах, говорит Толстой в своей «Исповеди». Я всей душой хотел быть хорошим. Но я был молод, у меня были страсти, а я был один. Всякий раз, когда я пытался высказать то, что составляло самые душевные мои желания—я встречал презрение, а как только я предавался едким страстям, меня хвалили и поощряли.

Своеобразны были те понятия большого света, которые внушались Толстому в доме его тетки.

Внешние условия жизни высшего большого света мы уже охарактеризовали. Поэт Вейнберг отзывался об них в поэтической форме:

. Утешься:
Вот тебе десять целковых
Добыто все: парикмахер,
Галстух, перчатки, карета...
А в перспективе вечерней
Прелести высшего света.

А внутреннее содержание идеологии «света» Толстой впоследствии определял так: —Добрая тетушка моя всегда говорила мне, что она ничего не желала бы для меня, как того, чтобы я имел связь с замужнею женщиной. Ничто так благоприятно не влияет

на молодого человека, как связь с женщиной из порядочного круга. Еще другого счастья она желала мне: того, чтобы я был ад'ютантом и лучше всего у государя, чтобы я женился на богатой девушке и чтобы у меня было как можно больше рабов.

Если впоследствии Толстой и осознал всю скудость такой морали, то в то время, время студенчества, он ее разделял.¹⁾—Уже несколькими годами позже студенческих лет, проезжая через Казань на Кавказ, он, проходя по улице со своим братом Николаем и заметив какого то человека («господина») проезжавшего мимо и опершегося руками без перчаток на палку, воскликнул: «Как видно, что этот господин какая то дрянь». Почему, спросил брат. «А без перчаток», ответил Л. Толстой.

Таковы некоторые штрихи, характеризующие Толстого в студенческие годы.

IV.

Но как же у него обстояли дела с Университетом? Данных о том, как он учился

¹⁾ «Отрицательное отношение к крепостному праву возникло у Л. Н. по выходе его из университета, когда он стал еще совсем юношей хозяйничать в Ясной Поляне». (С. Л. Толстой. «Мой отец в 70-х г.г.» «Кр. Новь», 1928 г., № 9, с. 205).

в Университете почти что нет, ибо он там фактически... не учился.

Вскоре он ищет убежища на факультете гостеприимно ютившем тогда, главным образом, аристократов. Это был юридический факультет, про студентов которого попечитель Округа М. Н. Мусин-Пушкин говорил: «что ни юрист, то дурак».

Настоящая характеристика носит несколько юмористический оттенок. Нечего и говорить, что она не может быть применена ни к Толстому, ни ко многим его однокурсникам. Что касается последних, то следует напомнить, что одновременно с Толстым обучался тогда на том же курсе юридического факультета человек выдающихся способностей—сын Казанского профессора В. В. Берви, вошедший затем в историю под псевдонимом Н. Флеровского, как автор первой книги «Положение рабочего класса в России». ¹⁾ Сам же Толстой уже в то время был всесторонним, живым человеком, с развитыми наклонностями к самоанализу и философствованию.

¹⁾ В. В. Берви (1829—1918 г.г.) в 1849 г. впервые в Казани выступил в качестве частного оппонента, будучи еще студентом, на диспуте Рязанова (по угол. праву). См. Н. Загоскин. Каз. старина. «Вол. Вестн.», 1892 г., № 47 и Н. Флеровский. Краткая автобиография. «Рус. Мысль», 1905 г., кн. V.

— «Меня мало интересовало, что читали наши учителя в Казани», говорил впоследствии Толстой своему немецкому биографу.

Если сравнить, например, успехи Толстого с успехами его однокурсника Берви, то как будто и можно было бы поверить этим словам Толстого.

	Берви.		Толстой.	
Толкование институций.	4.		—	
Римское право	5.		—	
	Усп.	Прил.	Усп.	Прил.
Уголовное право	4.	4.	2.	2.
Энциклопедия законовед.	5.	3.	4.	2.
Русское госуд. право	4.	3.	4.	2.
История рус. гражд. права	4.	5.	2.	2.
Сравн. европ. гос. право	3.	2.	2.	2.

Но это уже было на втором курсе, когда Толстой решает бросить Университет, а на первом курсе он кое чем интересовался и не считал еще свое пребывание в Университете за пустую трату времени.

Действительно Толстой сам же сделал вставку при просмотре рукописи Бирюкова («Биография Л. Толстого», т. I), что будучи на первом курсе, в конце 1845-6 года, он в первый раз стал серьезно заниматься и его заинтересовали энциклопедия права

и уголовное право: немец профессор Фогель на лекциях устраивал собеседования, и, между прочим, одно из собеседований было о смертной казни. Мейер, профессор гражданского права, задал ему работу: сравнить «Дух законов» Монтескье с «Наказом» Екатерины, и эта работа очень заняла его.

Прежде всего несколько слов об этих упоминаемых Толстым двух его учителях.

Профессор «уголовных и полицейских законов» Густав Львович Фогель в научном отношении не представлял из себя ничего замечательного. В Университетском архиве сохранились сведения, что в 1828 г. Ад'юнкт Фогель преподает Римское право на латинском яз., руководствуясь сочинением Вальдека, Энциклопедию юридич. наук читает на французском следуя сочинению Гуго и обозрение прав знатнейших новых и древних народов, следуя сочинениям Тибо и Шмальца.

Тогда же Совет Ун-та постановил, чтоб преподавание производить на русском или латинском языке.¹⁾

Избранный Советом Университета в 1843 году в ординарные профессора (из

¹⁾ Дело № 5, 1826 г. «Об определении доктора философии Густава Фогеля ад'юнктом в Каз, Ун-т по нравств. полит. отделению».

экстраординарных) он не был утвержден министром в этом звании впредь до представления какого либо ученого труда. И лишь в 1850 году состоялось утверждение его и. д. ординарного профессора. Но о Фогеле осталась память как об инициаторе введения в 1846 г. на четвертом курсе «изготовления и обсуждения студентами, по два раза в неделю, рефератов», что уже являлось «светлым лучем в темном царстве» тогдашней лекционной системы. Повидимому и на втором курсе в том же году Фогель или ввел эти же рефераты или какие то иные «собеседования», упоминаемые Толстым.

Иным был профессор Дмитрий Иванович Мейер только что назначенный в Казань. Сын придворного музыканта, уроженец С.-Петербургской губ., русский подданный, вероисповедания лютеранского, он в 1834 г. поступил из 2-й С.-Петербургской гимназии в нисшее отделение Главного Педагогического Института, в 1836 г. переведен в среднее и в 1839 г. в высшее отделение, с званием студента, на философско-юридический факультет, где и окончил курс в 1841 г.

15 февраля 1845 г. Министр Нар. Просв. назначил «возвратившегося из заграницы студента Главн. Педагогич. Ин-та Мейера

в Каз. Ун-т, впредь до получения им степени магистра, исправляющим должность Ад'юнкта по кафедре гражданских законов» ¹⁾).

Мейер не принадлежал к тем профессорам, которые ограничивали свою научную деятельность только диссертациями. Большой ученый, он, по характеристике проф. Шершеневича, и чтение лекций по гражданскому праву поставил так, что они представляли выдающееся для того времени явление. Студенты выносили из его лекций такую массу знаний, какой они в ту эпоху нигде бы не могли получить. Его лекции были проникнуты гуманным характером и смелостью чувства, которые должны были увлекательным образом действовать на студентов. «Когда в 40-х г.г. с кафедры раздается голос протеста против крепостничества, чиновничьего взяточничества, против различия в правах по условиям и вероисповеданиям—приходится заключить, что профессор обладал значительным гражданским мужеством. Смелое слово учителя не оставалось без влияния на учеников: известен случай, когда один из учеников Мейера отказался от выгод-

¹⁾ Дело № 17, 1845 г. «О назнач. студента Главн. Педагогич. Ин-та Мейера исправляющим должность Ад'юнкта по кафедре Гражд. законов».

ной покупки крепостных именно под влиянием впечатления, вынесенного из Университета ¹⁾.

«Преподавание гражданского права при Мейере стояло весьма высоко не только по своему теоретическому достоинству: Мейер поставил в Университете практические занятия так, как они и теперь нигде не стоят. Убежденный в необходимости облегчить студентам резкий переход от университетской науки к жизни, Мейер устраивает юридическую «клинику», где подобно римскому юристу, в присутствии учеников дает консультации всем желающим» ²⁾.

Говоря о Казанском Университете 40-х годов, тогдашний студент Назарьев писал в 90-х годах:—

— «Непродолжительная профессорская деятельность Д. И. Мейера была одним из светлых моментов в истории юридического факультета... Врезались в моей памяти во-

¹⁾ Следует помнить, что в эти годы содержание крепостных стало уже невыгодным и поэтому здесь подействовало далеко не только влияние Университета. М. К.

²⁾ „Биографич. словарь Казанского Университета“, биография Мейера, написанная Г. Ф. Шершеневичем.

споминания Мейера об Остзейском крае и раздражение, с которым он говорил о жалком положении крестьян, их невежестве и бедности полуразвалившихся избышек рядом с грандиозными замками баронов. Обладая редким в то время чутьем, Мейер ясно видел отрицательные, выращенные веками, стороны русской жизни и не мирился с ними. Такой искренний, правдивый, впервые встреченный протест ¹⁾ открывал глаза на многое, что не замечалось до того времени, и я уходил домой подавленный массой новых никогда не приходивших в голову мыслей и вопросов.

«В то время Мейер был тоже вполне определившийся, прямолинейный человек, прежде всего убежденный в том, что вся суть жизни заключается в неустанной работе и труде на общую пользу... Он был одним из тех мечтателей, которых не исправляют неудачи и жизненный опыт. Его вера в лучшее, в творчество правды, доходившая до фанатизма, была искренна и не лишена какого-то поэтического оттенка...

¹⁾ Воспоминания Назарьева, напечатанные в „Ист. Вестн.“ (1890 г., ноябрь и дек.) были частично перепечатаны в „Волжск. Вестнике“ (Казань, 1891 г. №№ 5 и 6) В цензурном экземпляре „Вол. Вестн.“, хранящемся в библиотеке университета, вместо слова „протест“ красными чернилами написано слово „отзыв“.

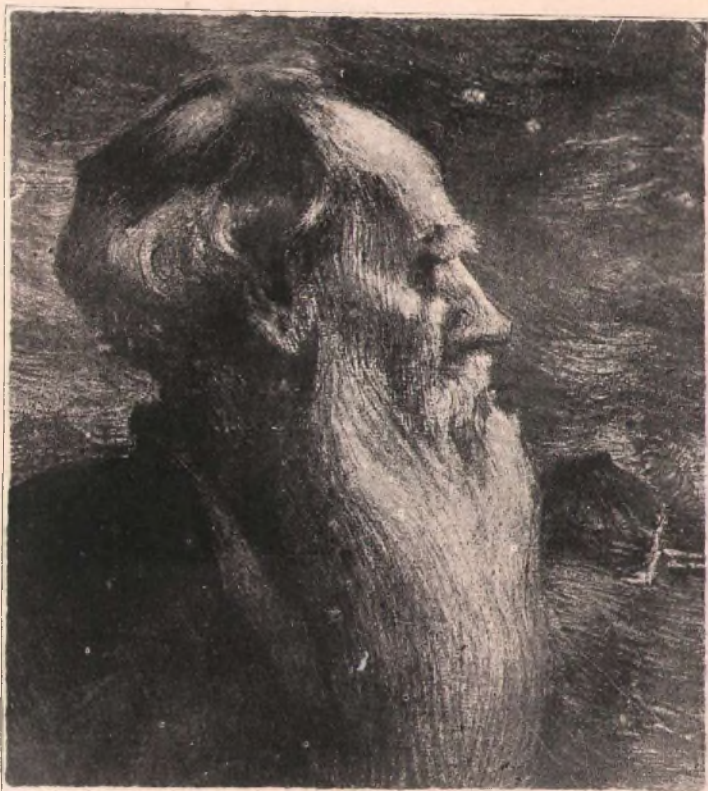
«В апреле 1849 г. мы уже в последний раз сошлись на его заключительную лекцию. В своем прощальном слове, Мейер пожелал, чтобы живая связь, существующая между нами, никогда не охладела, чтобы она не перешла в иерархическую лестницу, где верхним нет дела до нижних, а нижние думают только о том, чтобы попасть на верхние ступени». «Предчувствие не обманывает меня—возвысился голос профессора—я верю в близость переворота во внутренней жизни нашего отечества. Каждый в ком есть человеческое сердце, невольно сознает всю нелепость ²⁾ крепостного права... Для вас должно быть ясно, что крепостным необходимо дать свободу, но одного сознания и чувства еще мало,—на вас, на вас первых лежит обязанность облегчить участь ваших крестьян, а если сбудется мое предчувствие и, наконец, поднимется вопрос о крепостных, вы первые должны стать в ряды их защитников и каждый на своем месте дружно помогать торжеству справедливого дела. Существует другая язва, позорящая русскую жизнь—

²⁾ Цензура заменила это слово словом „несообразность“. Кстати, по этим комплектам цензурных газет чрезвычайно интересно проследивать направление цензуры в провинции в 90-ые годы.

это взяточничество. Я не допускаю даже мысли, чтобы вы, питомцы университета, когда-нибудь оказались сообщниками постыдной торговли правосудием... Мало одного пассивного отношения к злу, вы обязаны бороться с ним на каждом шагу, в каждый момент своей жизни, не останавливаясь ни перед какими затруднениями или жертвами».

Вполне понятно, что он остался для Казани (повидимому и для Университета) чуждым, не смотря на девятилетнее в ней пребывание (до 1855 г.), как он сам писал в одном из своих писем. В дворянской, жуирующей Казани, где и сам Лобачевский только через жену вошел в великосветское общество и где всякий профессор считал за великое счастье «быть принятым» у заправил «света», Мейер не пришелся «ко двору». Толстому же он импонирует, т. к. несмотря на «комильфотный» образ жизни Толстого, червь семяния и отрицания всех великосветских удовольствий уже точил его сознание.

Но как ни странно, последняя работа у профессора Мейера, упоминаемая им, явилась также и одной из причин его выхода из Университета в апреле 1847 года. «Эта работа», пишет сам Толстой, «от-

Л. Н. Толстой. Офорт Л. Пастернака.
Собрание Центр. Музея Т. С. С. Р.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Два великих имени вплетены в венец других славных имен истории казанского университета—имена Ленина и Толстого. Случайное сочетание биографических судеб этих двух колоссов, мощно врезавшихся в полны мировой истории, весьма знаменательно. Их ассоциация в памяти поколений всегда будет рождать грандиозный поток мыслей о методах переустройства общественного бытия, всегда будет озарять мощным светом подчас мрачный и излощенный путь мировой истории.

Казанский университет празднует столетний юбилей со дня рождения Льва Николаевича Толстого воспоминанием о частных фактических подробностях пребывания великого художника в его стенах и в Казани на основе этих биографических черт отмечает тот общий смысл и значение этого юбилея, который ему дается партией, советским государством и советской общественностью. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина вполне присоединяется к оценке этого юбилея, дан-

крыла мне новую область умственного самостоятельного труда, а Университет со своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей».

Толстой приходит к выводу, что из университетских стен, «полезным и знающим человеком» ему не выйти, и, осознав пустоту и бесцельность существования в Казани, отправляется в деревню для живого дела.

Таким образом Толстой ушел из Университета не потому, что он был «выше» Университета. Дал же этот Университет очень многое и упомянутому уже нами В. В. Берви (Флеровскому) и А. М. Бутлерову—современникам Толстого по Университету. Толстого просто не удовлетворяла, с одной стороны, та узкая специализация, которой он волей-неволей должен был проникаться, находясь в Университете,¹⁾ а с другой стороны—трудно было совместить

¹⁾ Невольно вспоминается, что по поводу выхода А. Плещеева из Петербургского университета Чернышевский писал (25 сен. 1846 г.): «Вообще нашим знаменитостям плохо удаются экзамены... Одно что-нибудь: или внутреннее или внешнее; или существенность или имя. И то, и другое вместе у нас как то редко бывает» (Стеклов. Студ. годы Чернышевского. «Мол. Гвардия», № 7, 1928 г.).

безалаберную великосветскую жизнь с учебной дисциплиной. Но так как, проживая в Казани, нельзя было «отойти от света», не вызвав со стороны этого света проявления резкого недружелюбия, пришлось бросить Университет, чтоб «легально» порвать со светом!

Несомненно, что Университет дал очень и очень не мало Толстому, как будущему великому гуманисту. Толстой находился в Университете в те годы, когда Университет еще возглавлялся гениальным Николаем Ивановичем Лобачевским (1827—46 г.г.), влиявшим на общее направление умственных и научных настроений в Университете.

Лобачевский всему миру известен, как геометр, но мало кто знает, что в его философском мировоззрении ясно отразились просветительные идеи XVIII века. Недавно исполнилось ровно сто лет со дня произнесения (5 июля 1828 г.) Н. И. Лобачевским замечательной речи в торжественном собрании Университета «О важнейших предметах воспитания». Ссылаясь на «знаменитого Бакона» и гениального Декарта, он в этой речи с чувством глубокого удовлетворения констатировал, что «мы живем уже в такие времена, когда

едва тень древней схоластики бродит по Университетам. Здесь, в это заведение вступивши, юношество не услышит пустых слов без всякой мысли, одних звуков без всякого значения. Здесь учат тому, что на самом деле существует, а не тому, что изобретено одним праздным умом».

Эта речь была в тоже время и напутствием окончившим университет студентам. И вот, обращаясь к ним, он говорил, что «человек родился быть господином, повелителем, царем природы. Но мудрость, с которой он должен править с наследственного своего престола, не дана ему от рождения: она приобретается учением». «Ум, если хотят составить его из воображения и памяти, едва ли отличает нас от животных? Но разум, без сомнения, принадлежит исключительно человеку; разум, это значит, известные начала суждения, в которых как бы отпечатались первые действующие причины вселенной и которые соглашают таким образом все наши заключения с явлениями в природе, где противоречия существовать не могут. Как бы то ни было, но в том надобно признаться, что не столько уму нашему, сколько дару слова, одолжены мы всем

нашим превосходством пред прочими животными».

«Вы счастливее меня, родившись позже»¹⁾, сказал он в конце своего слова. Толстой не мог слышать этой речи, но он находился в Университете в последние годы ректорства и в первый год назначения Лобачевского пом. попечителя, т. е. в то время, когда Лобачевский оказывал сильнейшее влияние на Университет. Если не непосредственно, то через Мейера и Фогеля Толстой был приобщен к гуманитарным идеям пропагандировавшимся Лобачевским, в эпоху, как ни странно, Николая Первого. Толстой оказался счастливее, что он родился позже. Ему удалось эти идеи, возросшие уже на новой почве и в новых условиях, рассеять по всему миру.

V.

Плеханов писал, что он дорого бы дал за биографию, например, аристократического аббата Сийеса, которая бы выяснила ему, какими именно путями проникло до него влияние третьего сословия, впослед-

¹⁾ „Казанский Вестник издаваемый при Каз. Ун-те“, ч. XXXV, кн. VIII, авг., 1832 г. Стр. 578—96.

ствии заставившее его написать знаменитые слова: «Что такое третье сословие?—Ничто. Чем оно должно быть?—Всем».

Наша сводка сведений о быте и идеях, влиявших на Толстого в студенческие годы и ставит своей целью, хотя бы отчасти показать, почему же Толстой явился в дальнейшем идеологом (правда, не во всех отношениях) аристократии.—В молодые годы, когда складывается психика человека, он подвергся сильнейшему влиянию этой аристократии. Он тогда не чувствовал побуждения начисто и полностью отринуть весь этот «свет», с его отжившими, рабовладельческими понятиями. Жизнь Казанского великосветского общества представлялась ему милой и привлекательной, справедливо констатирует проф. Фирсов. И поэтому, когда Н. П. Загоскин в своей биографии Толстого—студента пытался доказать, что Толстой к этой жизни инстинктивно чувствовал протест, сам Толстой написал на закате своих дней: «Никакого протеста я не чувствовал, а очень любил веселиться в Казанском, тогда очень хорошем, обществе». «Очень благодарен судьбе, продолжал Толстой, за то, что первую молодость провел в среде, где можно было смолоду быть молодым, не за-

трагивая непонятных вопросов и живя хоть и праздной, роскошной, но не злой жизнью».

В Казани, в студенческие годы, Толстой и сложился в того человека и великого писателя, каким его охарактеризовал в блестящих строках Плеханов—«в его гениальных романах наш дворянский быт изображается, хоть и без ложной идеализации, но все таки со своей лучшей стороны. Отвратительная сторона этого быта,—эксплуатация крестьян помещиками—как бы не существовала для Толстого. В этом сказался весьма своеобразный, но в то же время непобедимый консерватизм нашего великого художника. А этот консерватизм в свою очередь обусловил то обстоятельство, что даже тогда, когда Толстой обратил, наконец, свое внимание на отрицательную сторону дворянского быта и стал осуждать ее с точки зрения нравственности, он все таки продолжал заниматься эксплуататорами, а не эксплуатируемыми... Страдающие крестьяне занимали его несравненно меньше, нежели те, которые заставляли их страдать, т. е. люди его собственного сословия—дворяне».

В этих словах—весь Толстой. Он чувствовал себя «к а к д о м а» при описании аристократии, потому что он сам остался

аристократом, ¹⁾ потому что он инстинктивно был против крестьянства, против пролетариата и против буржуазии, несмотря на то что он был великим гуманистом.

М. Корбут.

¹⁾ С. Л. Толстой в № 9 за 1928 г. «Кр. Нови» говорит: «Сохранился проект его ответа критикам, упрекавшим его в том, что в »Войне и Мире« он писал только о высшем обществе. Там он писал: «Я принадлежу к высшему сословию общества и люблю его. Я не «мещанин» как смело говорил Пушкин, а смело говорю, что я аристократ и по рождению, и по привычкам, и по положению»... Впоследствии он отрекся от аристократии... Однако он никогда огульно не осуждал аристократизм... В аристократизме он признавал не одну только отрицательную сторону. Он ненавидел барство, а не аристократизм, а это не тоже самое. («Мой отец в 70-х г.г.», стр. 182—3).

КАЗАНСКАЯ ЖИЗНЬ ТОЛСТОГО.

„Вот он молодой человек, а в нем все уже есть, что будет после; он только себя не знает“.
(Из ответа Л. Н. Толстого В. Г. Черткову).

I.

С осени 1841 г. и по 23 апреля 1847 г. Л. Н. Толстой жил в Казани, лишь по летам уезжая в этот период в Ясную Поляну.

Связь семьи Толстых с Казанью установилась уже давно. Прадед Льва Николаевича—граф Андрей Иванович Толстой, которому вместе с его сестрами 26 мая 1760 года Елизавета Петровна возвратила графский титул ¹⁾, служил (в 1754—1759 г.)

¹⁾ Лишен „чина, чести и данных деревень“ и сослан в Соловки вместе с сыном Иваном по указу Екатерины I от 6 мая 1727 года был дед Андрея Ивановича—граф Петр Андреевич Толстой за агитацию в пользу возведения на престол (в случае смерти Екатерины) цесаревны Елизаветы Петровны, а не великого князя Петра Алексеевича, сына царевича Алексея, в смерти которого был повинен Петр Андреевич Толстой.

секунд-майором в Казанском гарнизоне и воеводою (в 1761—1764 г.) в Свияжской провинции, а дед Льва Николаевича—граф Илья Андреевич Толстой (род. 20 июля 1757 г.) провел здесь свои молодые годы, а впоследствии с 15 мая 1815 г. в течение почти пяти лет был губернатором и оставался в Казани после увольнения его от должности губернатора вплоть до смерти (последовавшей 21 марта 1820 г.) и здесь же погребен на кладбище Кизического монастыря.

Известно, что и брат Ильи Андреевича—Петр Андреевич являлся участником в выступлениях казанского дворянства, и был казанским жителем.

Илья Андреевич Толстой, сам богатый помещик, женатый на дочери богатого же помещика Ярославской, Орловской и Тульской губ. — княжне Пелагее Николаевне Горчаковой, имел двух дочерей—Пелагею и Александру и двух сыновей—Николая и Илью. Старшая дочь его Александра Ильинична была выдана замуж в Петербурге за графа Карла Ивановича фон-дер Остен-Сакена; сын—Николай Ильич был женат на княжне Марии Николаевне Волконской и является отцом Льва Николаевича Толстого; а младшая дочь—Пелагея или По-

лина Ильинична была выдана замуж в Казани за казанского помещика—гусарского полковника Владимира Ивановича Юшкова и играла в течение сороковых и пятидесятих годов XIX-го века видную роль как член высшего светского общества Казани.

Вот к этим то Юшковым под непосредственное попечение своей тетушки Пелагеи Ильиничны и попал юный Лев Николаевич.

Дело в том, что после разорения своих предков, отличавшихся (особенно в лице Ильи Андреевича) не только щедростью, но и „бестолковой мотоватостью“ и живших на очень широкую ногу среди почти непрерывных пиршеств, театров, балов, обедов, катаний, картежных игр и афер, а также и после неудачно окончившейся для Ильи Андреевича ревизии его губернаторской деятельности, граф Николай Ильич Толстой, отец Льва Николаевича, остался дворянином без средств, не имеющим „крепостных крестьян“ и вынужденным служить. Только женитьбой на княжне М. Н. Волконской в 1822 г. в Москве ему удалось поправить свое состояние и стать обладателем „793 мужска и 800 женска полов душ“ и нескольких деревень, в том числе и знаменитой Ясной Поляны,

в 15 верстах от Тулы. Выйдя в отставку, он теперь и поселился в Ясной Поляне и в спокойном счастье семейной жизни стал устраивать имущественные дела; но счастье длилось не долго: 7 марта 1830 года „от нервной горячки“ скончалась жена Мария Николаевна, и Николай Ильич остался вдовцом с пятерыми детьми, воспитанием которых занялась „тетенька“—троюродная сестра их отца по Горчаковым—Татьяна Александровна Ергольская, которая на Льва Николаевича оказала глубокое влияние, и которую он считал „замечательной по нравственным качествам женщиной“, относясь к ней с глубоким уважением и любовью, доходившей до восхищения. Летом 1837 года, почти через год после переезда семьи Толстых в Москву ради приготовления старшего сына Николая в университет, умер скоротечно в Туле Николай Ильич Толстой, и заботы о семье перешли к бабушке—Пелагее Николаевне, но 25 мая 1838 г. умерла и она, и опекуной над детьми стала их тетка Александра Ильинична Остен-Сакен, оставившая своего мужа после покушения его в припадке душевного расстройства на ее жизнь, и жившая теперь уже с Толстыми. Однако и под ее попечением семья была не долго—

30 августа¹⁾ 1841 года умерла и она. Между тем денежные дела Толстых были не особенно хороши. Запутанность дел по опеке потребовала переселиться в Москве на маленькую более дешевую квартиру; неурожай 1840 года заставил покупать хлеб для прокормления крепостных крестьян и продать наследственное имение Неруч, а кроме старшего сына Николая, бывшего уже студентом Московского университета, подростали и остальные сыновья Николая Ильича и также требовали расширения забот о подготовке их к поступлению в учебные заведения. В деревне учителями детей были переменявшиеся немцы-гувернеры и семинаристы, но дававшееся ими образование не было достаточным. Такая трудность положения до некоторой степени уже сознавалась и самими молодыми людьми, и когда по смерти Александры Ильиничны приехала к ним из Казани в Москву Пелагея Ильинична Юшкова, старший племянник ее, студент I курса, Николай Николаевич обратился к дорогой тетушке с просьбой не покидать их, и этим растрогал ее до слез. Опека над си-

¹⁾ У Гусева „Толстой в молодости“: 3 августа (стр. 80); у Модзалевского „Род гр. Л. Н. Толстого“—30 августа (стр. 199).

ротами с этих пор переходит к Пелагее Ильиничне Юшковой, и последняя решает перевезти опекаемых в Казань, в результате чего семья должна была расстаться с Татьяной Александровной Ергольской— вследствие неприязненно-натянутых отношений к ней со стороны Пелагеи Ильиничны. Вступая в свои права опекунши, Пелагея Ильинична делает приготовления и распоряжения к переезду—заказывает барки и на них водою отправляет из Ясной Поляны все имущество Толстых, назначает к каждому из братьев Толстых по крепостному мальчику одинаковых с ними лет для услуг, перевозит всю дворню. Наконец осенью 1841 года после длинного и долгого переезда в различных экипажах и сами Толстые вместе с 13-летним Львом Николаевичем переехали из Ясной Поляны через Тулу в Казань к тетушке Полине Ильиничне, в доме которой протекла большая часть юности Льва Николаевича.

Вот та цепь обстоятельств, которая привела Льва Николаевича и его братьев искать высшего образования в Казани. Это искание дало для братьев Толстых неодинаковые результаты.

Старший брат Николай Николаевич переехал из Московского университета в Ка-

занский и в 1841—42 учебном году был на 2-ом курсе 2-го отделения философского факультета, соответствующего современному нам математическому факультету, а в 1844 году он окончил уже курс по этому факультету с званием действительного студента. С этим же званием и по тому же отделению того же факультета окончили курс и Сергей и Дмитрий Николаевичи, пробыв на факультете студентами с осени 1843 г. по весну 1847 г. Л. Н. Толстой поступил в университет позднее. Он выбрал для себя восточное отделение философского факультета, для поступления на которое требовалась подготовка по арабскому и турецко-татарскому языкам. На подготовку ушло время с 1842 по май 1844 года. С 29 мая по 5 июня 1844 года Лев Николаевич подвергался вступительным испытаниям, но не оказал надлежащих сведений в истории, статистике и географии, и „принятия в университет не удостоен“. Однако в начале августа, испросив разрешение снова экзаменоваться по предметам, познания по которым оказались у него слабыми, он был допущен к дополнительным испытаниям и был принят в университет студентом своекоштного содержания, по разряду

арабско - турецкой словесности. Попытка изучить арабско-турецкую словесность оказалась неудачной. Шум светской жизни казанского аристократического общества вообще, и дома тетушки Полины Ильиничны Юшковой в частности, совлек 16-летнего Льва Николаевича с тернистой стези подготовки к дипломатической карьере. А зимний сезон 1844—45 г. был особенно шумен в Казани, и Лев Николаевич, несмотря на свою угловатость и застенчивость, оказался желанным участником всех многочисленных увеселений. Впоследствии Лев Николаевич вспоминал, что в Казани он „начал развращаться“, потому что подражал всегда брату Сереже, что здесь произошло его первое падение, что ему „не было внушено никаких нравственных начал, а кругом его большие с уверенностью курили, пили, распутничали, били людей“. Впрочем, эти слова, записанные в дневник в 1900 году, следует относить, главным образом, не к юности, а к молодости Льва Николаевича, т. е. к последующему периоду времени, когда он, покинув Казань, зажил бурной жизнью. Конечно, дурные влияния были и в Казани; „молодежь того времени любила пошлать“, говорят старожилы, она жуировала,

особенно дворянская, жила веселой беспечной жизнью и, легко поддаваясь всяким соблазнам, стремилась крутиться в вихре наслаждений. Яд пестроты и шума этой жизни парализовал прилежание Льва Николаевича к университетским занятиям, и весной он оставляется на том же 1-м курсе.

Но Лев Николаевич не остался на второй год, а осенью 1845 года был перемещен на юридический факультет. Условия жизни, впрочем, не изменились и в этот год, и в начале 1845—46 учебного года Лев Николаевич является в числе избранных студентов, которые должны были принять участие на блестящем бале в честь посетившего Казань герцога Максимилиана Лейхтенбергского; 19 и 25 апреля 1846 года он участвует в живых картинах на многолюдных и пышных вечерах в зале Университета в пользу двух бедных воспитанниц Казанского Родионовского Института благородных девиц, но тем не менее, хотя полугодовые испытания в январе 1846 г. дали и не очень удачные результаты, весенние переходные экзамены в этом году проходят у него благополучно, и Лев Николаевич переводится на второй курс.

У Льва Николаевича к этому времени явилась уже критическая оценка универ-

ситетской науки и преподавания, а также быта и жизни окружавших его людей. Пренебрегая обязательными университетскими занятиями, он много читал и думал, в его уме вставали философские вопросы; думы о смысле и цели жизни и о религии, сомнения в догматической и обрядовой стороне православно-церковного вероучения, стремление к нравственному совершенствованию вели к отрешению от светского этикета и борьбе с условностями и положили начало для построения нового взгляда на себя, на людей и на мир. Сохранившийся от этого времени дневник Л. Н. Толстого, охватывающий период времени с 17 марта по 19 апреля 1847 года, т. е. период последних двух месяцев его казанской жизни, когда он находился на лечении в клинике, знакомит с теми вопросами и мыслями, которые волновали Льва Николаевича в то время. Разбор „Наказа“, показывает Льва Николаевича еще сторонником государства, но с республиканским образом правления, противником самодержавия, при котором власть держится только на насилии, а не на воле народа, сторонником взгляда, что „в республике народ сам управляет собою“; по вопросу о смертной казни—он уже здесь является ее противником; здесь же он со-

вершенно определенно высказывается и против рассеянной светской жизни: „я ясно усмотрел, что беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимает за следствие молодости, есть не что иное, как следствие раннего разврата души“; здесь он указывает на важность развития своих способностей, на важность подготовки к общественной жизни: «во мне начинается», пишет он, «проявляться страсть к наукам; хотя из страстей человека это есть благороднейшая, но не менее того я никогда не предамся ей односторонне, т. е. совершенно убив чувство и не занимаясь приложением, единственно стремясь к образованию ума и пополнению памяти. Односторонность есть главная причина несчастий человека».

Все эти вопросы и мысли овладели Львом Николаевичем, волновали его, требовали разрешения и воплощения в жизнь, и вместе с тем чаще всего стояли вне дисциплин юридического факультета, среди которых большинство не возбуждали интереса, но угнетали своей обязательностью и мешали заниматься изучением интересных вопросов. И у Льва Николаевича складывается решение оставить университет. Полугодичные экзамены в январе 1847 года Лев Никола-

евич держал не все, а после пасхальных каникул 12 апреля подал прошение об увольнении из университета. К этому его побудили вероятно и ожидаемый отъезд из Казани его братьев Сергея и Дмитрия, оканчивавших весной курс и в этом году живших вместе с Львом Николаевичем уже отдельно от тетушки Полины Ильиничны, и произведенный к этому времени раздел оставшегося от отца имущества, по которому Лев Николаевич сделался владельцем деревень—Ясной Поляны, Ягодной, Мостовой, Малой Воротынки и Ясенок с 1470-ю десятинами земли и 330-ю мужского пола душами крестьян и дворовых.

Таким образом третий год студенчества для Льва Николаевича явился последним годом его пребывания в университете. Получив на основании постановления университетского правления от 14 апреля 1847 г. «о бытности в университете свидетельство», Лев Николаевич 23 апреля уехал из Казани в Ясную Поляну с намерением, как видно из его дневника, самостоятельно учиться и через 2 года, подготовившись, выдержать окончательный экзамен по юридическому факультету университета.

II.

Сведения о внешней обстановке казанской жизни Льва Николаевича не будут

полны, если не остановиться на жилищах и том домашнем обиходе, в которых шла эта жизнь.

Приехав в Казань за получением образования, Толстые не могли отдаться исключительно университетской жизни, исключительно научным и литературным течениям, хотя уже и народившимся тогда в Казани. Они были слишком молоды. Их тетушка, под опекою которой они здесь находились, Полина Ильинична Юшкова, как дочь разорившегося старого барина—сановника, как супруга казанского помещика, занимавшего видное положение в светском обществе, принадлежала к классу, ценившему аристократизм и светскость выше всего, видевшему счастье жизни в богатстве, знатности и шумных удовольствиях. «Это была среда, характеризует ее проф. Н. П. Загоскин, не находившая ничего лучшего, как воскуривать фимиамы «их высокопревосходительствам Сергею Павловичу и Анне Евграфовне»—Шиповым (влиятельная губернская чета 40-х годов)¹⁾ и разделять свое досужное время между картами, танцами и сплетнями, присоединяя

¹⁾ Шипов—Казанский губернатор с 27 декабря 1841 г. по 14 марта 1846 г.

Н. Н. Тихонов. Офорт Н. Пастернака.
Серебряный лист. Москва Т. С. С. Р.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Два великих имени вплетены в венец других славных имен истории казанского университета—имена Ленина и Толстого. Случайное сочетание биографических судеб этих двух колоссов, мощно врезавшихся в волны мировой истории, весьма знаменательно. Их ассоциация в памяти поколений всегда будет рождать грандиозный поток мыслей о методах переустройства общественного бытия, всегда будет озарять мощным светом подчас мрачный излощенный путь мировой истории.

Казанский университет празднует столетний юбилей со дня рождения Льва Николаевича Толстого воспоминанием о частных фактических подробностях пребывания великого художника в его стенах и в Казани и на основе этих биографических черт отмечает тот общий смысл и значение этого юбилея, которое ему дается партией, советским государством и советской общественностью. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина вполне присоединяется к оценке этого юбилея, дан-

к этим развлечениям и по истине беспримерное чревоугодие». И дом Пелагеи Ильиничны был видным аристократическим домом Казани, втянувшим в жизнь этой среды молодых Толстых.

Где же был этот дом? Имеющиеся данные указывают несколько квартир, в коих жили Толстые и Полина Ильинична Юшкова.

В «Исторической об'яснительной записке наименования казанских улиц» 1899 г. Н. Я. Агафонов предлагал назвать Толстовской улицу, которая «начинается у Черного озера, между первой гимназией и Ложкинской богадельней и оканчивается спуском к Евдокиинской церкви» и давал указание, что—«на этой улице, во время своего студенчества (в 1844—1846 г.г.) жил «Великий писатель земли Русской» Л. Н. Толстой», добавляя, что «Л. Н. Толстой жил в доме Горталова».

В «Воспоминаниях» Л. Н. Толстого, именно в воспоминаниях о брате Дмитрие, говорится: «особенность его (Дмитрия) первая проявилась во время первого говенья. Он говел не в модной университетской церкви, а в Казематской церкви. Мы жили в доме Горталова, против острога». Очевидно, что в первый год студенче-

ства Дмитрия Николаевича, т. е. 1843—44 учебный год, или весной 1844 года Пелагея Ильинична Юшкова имела квартиру в доме Горталова против острога.

В этом месте, т. е. по Поперечно-Казанской улице было два дома, принадлежавших когда то Горталовым, сохранившихся до настоящего времени, но менявших своих хозяев. Теперь это дома № 7, соседний с Казанским монастырем (до муниципальной дом Казанкина) и № 9, соседний с предыдущим (до муниципальной дом Пальчиковой). Пелагея Ильинична и Толстые жили в последнем и именно в главном доме, расположенном внутри двора, где теперь помещается советская школа № 6, имени Л. Н. Толстого, а до нее находилась частная V Казанская Мужская гимназия, учрежденная К. Л. Мануйловой (в 1906 г.). Это подтверждается и изустно сохранившимся у старожилов Казани преданием, и историей этого дома, и наконец указанием самого Льва Николаевича в 1901 г., полученным П. Л. Мануйловым.

В настоящее время на земельном участке этого дома № 9 имеется несколько строений: главный каменный дом внутри двора напоминающий своей архитектурой усадебные барские дома начала XIX века,

двух-этажный, с мезонином над среднюю часть, с двумя деревянными с колоннами крыльцами по бокам переднего фасада и двумя же боковыми пристроями, но не всю ширину дома, отчего задний фасад, выходящий в сад, дает ломаную линию; этих пристроев сначала дом не имел, на их стенах не выступает, как на средней части дома и мезонине, из под стершейся местами побелки желтая краска, которой был выкрашен дом прежде; выпячивающаяся средняя часть этого заднего фасада несет балкон второго этажа, поддерживаемый железными кронштейнами и опирающийся передним краем на 4 массивных кирпичных столба с капителями; под этим балконом терраса первого этажа с выходом в сад, простирающийся до Нагорной улицы, как и сад соседнего дома № 7; вблизи него в саду маленький деревянный домик; по правую (СЗ) и левую (ЮВ) стороны двора каменные службы; в глубине двора, в конце служб правой стороны за главным домом, каменный двух-этажный флигель; и по Поперечно-Казанской улице три флигеля—средний одно-этажный деревянный, обложенный кирпичем, крайний левый (ЮВ) двухэтажный каменный и крайний правый (СЗ), одноэтажный

каменный с мезонином, примыкающий также к службам этой стороны.

История дома из свидетельских показаний двоюродной племянницы Г. И. Горталова (1819—1885 г.) — С. М. Мануйловой, родившейся в 1836 г., здравствующей доныне, и старожилки дома А. Н. Екатерининской, рисуется в следующем виде. Первоначально оба дома (теперь № 7 и № 9) принадлежали одному владельцу, именно подполковнику И. К. Горталову, который в известном «Указателе гор. Казани» Чернова на 1841 год показан в списке отставных чиновников, проживающим в собственном доме в 1-ой части города.

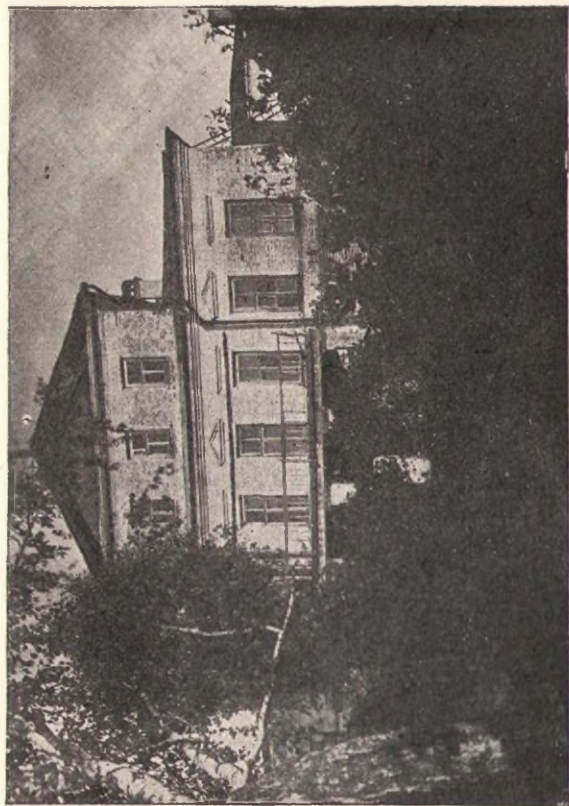
И. К. Горталов был женат на П. Г. Дедевой; матерью последней — П. П. Дедевой и был построен этот дом. И. К. еще в половине 20-х годов овдовел, и воспитание его малолетних детей — двух сыновей и дочери перешло к их бабушке, т. е. П. П. Дедевой, первоначальной владелице и строительнице этого дома.

Семья Горталовых занимала тогда второй этаж главного дома (№ 9), а в нижний этаж вероятно сразу по приезде из Ясной Поляны вселилась Пелагея Ильинична Юшкова с Толстыми.

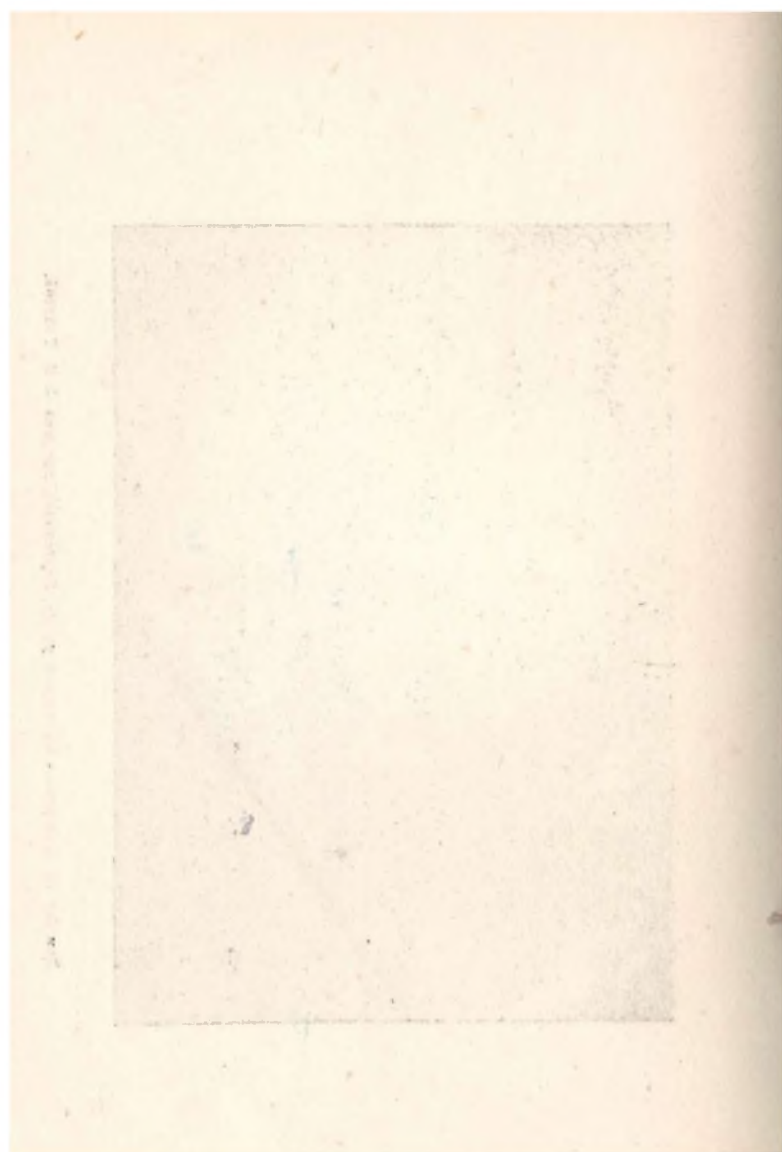
В этом доме Горталовы вероятно прожили до второй половины 40-х годов, мо-

жет быть до 1848 года — года женитьбы П. И. Горталова, после которой этот дом был предоставлен последнему его отцем. Проф. Д. А. Корсаков в своих воспоминаниях о И. К. Горталове, говоря, что он хорошо помнит Ивана Кузьмича с 1849 г., описывает его жилище уже в домах соседнего участка. Остается невыясненным время постройки мезонина над средней частью дома. Документальных данных, устанавливающих время его постройки, не сохранилось, но несомненно, что он выстроен много раньше боковых пристроев дома.

С. М. Мануйлова говорит, что она слышала от Г. И. Горталова, что он жил некоторое время вместе с Л. Н. Толстым в мезонине их дома. Мезонин, не подвергшийся существенным переделкам до настоящего времени, является довольно просторным, — с тремя окнами в сторону Поперечно-Казанской ул. против острога и с тремя окнами в сад в сторону Нагорной ул. с видом на Казанку и слободы за ней; он делится на две половины по 2 комнаты в каждой, и с промежуточной темной комнатой между этими половинами мезонина. Лестница в мезонин в 3¹/₂ марша начиналась из полутемного корридорчика, соединяющего зал 2-го этажа с комнатой, слу-

Дом №9 на Поперечно-Казанской ул. (б. Горького), где жил Л. Н. Толстой.

жившей раньше «буфетной»; теперь начало лестницы находится в этой комнате. За «буфетной», уже в пристрое, была еще комната в 2 окна и кухня второго этажа с выходом через крыльцо (третье) на двор.

Каменных служб на земельном участке владения тогда еще не было, но был уже, вероятно, каменный флигель по улице в сторону Казанки, а деревянный маленький домик в саду был огорожен и служил прачечной. Сад был благоустроен: кусты жасмина окружали террасу, в конце сада на границе с Нагорной улицей на насыпном бугре была беседка, остатки развалин которой видела А. Н. Екатерининская в конце 80-х годов, правее от нее была большая клумба белых роз, в саду были яблони, из сада была калитка на Нагорную ул.; со второго этажа дома, с маленького балкончика в выемке юго-восточного пристроя в сад спускалась лестница. От того же Г. И. Горталова, С. М. Мануйлова слышала, что Л. Н. Толстой и Г. И. Горталов участвовали в закладке каменного флигеля. Это, вероятно двухэтажный флигель внутри двора в сторону Казанки (СЗ). Немного раньше был поставлен средний деревянный одноэтажный флигель, впоследствии удлиненный и обложенный кирпичем.

По смерти И. К. Горталова (1853 г.), владение было разделено: старший сын Г. И. с сестрой П. И. получили дом по нынешней нумерации № 7 и перешли в него, а женатый Петр Иванович получил дом, в котором жили с отцом (теперь № 9). Петр Иванович умер 18 окт. 1856 г.

По смерти Петра Ивановича, владение домом переходит к его жене Авдотье Петровне. Авдотья Петровна построила каменные службы и, наконец, левый каменный флигель по Попер.-Казанской ул., ближайший к Казанскому монастырю (ЮВ).

Таким образом, владение приобретает современный нам вид. В таком виде владение получено было в приданое дочерью Петра Ивановича—Софией Петровной при выходе ее замуж за Николая Ниловича Казина. От Казиных в 1900 г. дом был куплен Евгенией Евграфовной Пальчиковой, которая поселилась в этом доме в квартире нижнего этажа главного дома вместе с воспитываемыми ею детьми скончавшегося врача Леонида Матвеевича Мануйлова.

Один из племянников Е. Е. Пальчиковой, именно Петр Леонидович Мануйлов (1875—1903) живо интересовавшийся и разделявший взгляды и учение Льва Николаевича,

в 1901 г. жил в Крыму, в 17 верстах от Ялты. Узнав о пребывании Л. Н. Толстого в Гаспре, в имении гр. С. В. Паниной, в которое Лев Николаевич приехал 8 сентября 1901 г., Петр Леонидович посетил Льва Николаевича.

О своем посещении Льва Николаевича Петр Леонидович сообщал в письмах своим родным: «... мы поговорили еще немного о Казани. Он очень удивился совпадению, что я живу там, в том же доме, где он жил когда то».

— «Есть там флигель?» спросил он.

Я сказал: есть.

«Этот флигель мы сами строили. А из Горталовых жив ктонибудь?» — спросил было он, но потом прибавил: «ну, да, ведь, это, вероятно, уж третье поколение».

Во втором письме к своей тетушке и сестрам от 26 ноября 1901 г. Петр Леонидович сообщает:

«Недавно я побывал у Льва Николаевича Толстого; он, узнав, что я казанец, спросил: «А где вы там живете?»—Я сказал, что в том же доме, где и он жил—в доме Горталова. Он был до крайности удивлен совпадением и очень оживился. «А», говорит, «это против острога, недалеко от монастыря... Есть там флигель?». Не знаю,

который флигель он разумел, но я ответил: «есть». «Этот флигель», сказал он, «мы собственноручно закладывали тогда-то, в таком-то году (он несколько распространился об этом, но я забыл).

«А из Горталовых жив ктонибудь?» — продолжал он спрашивать. Я ответил, что одна, — замужем теперь, за Казиным, — на что он мне сказал: «Ну, да, ведь, уж это, вероятно, третье поколение».

Все приведенные данные совершенно убедительно подтверждают факт обитания Л. Н. Толстого в данном доме. В 1922 г. от Татнаркомпроса к стене переднего фасада дома прикреплена мраморная доска с высеченной на ней и позолоченной надписью: «Мы жили в доме Горталова против острога». Лев Толстой. (Из воспоминаний о студенческой жизни 1846—47 г.).

В настоящее время мезонин дома, вмещающая в себе библиотеку автора этой статьи, является небольшим Толстовским музеем. Здесь имеются и первые издания произведений Л. Н. Толстого, собрания его сочинений в различных изданиях, нелегально выпускавшиеся литографированные издания и издания заграничной печати, рукописные списки прежде запрещенных сочинений,

альбомы портретов и видов различных периодов жизни Льва Николаевича, иллюстрированные издания его произведений и альбомы иллюстраций, книги и брошюры о Толстом и его произведениях; есть комплекты журналов, в которых печатались впервые его сочинения («Современник», «Русский Вестник», «Вестник Европы» и др.), издававшийся Львом Николаевичем журнал «Ясная Поляна» с приложением «Книжек для чтения», издания «Посредника».

Как сохранившийся в сравнительно мало измененном виде со времени жизни здесь Л. Н. Толстого дом в целом является весьма ценным историческим памятником минувшей жизни старого провинциального барства первой половины XIX в., тем более, что многочисленные катастрофические пожары только XIX века, когда кварталы Казани выгорали десятками, истребили почти все строения прежнего времени, не исключая и каменных, которых и вообще было немного, (напр. по данным 1839 г. в Казани каменных домов было всего 495 и из них принадлежавших дворянам и чиновникам 74).

В доме Горталова Л. Н. прожил большую часть своей казанской жизни. За это время его старший брат Николай уже окончил университетский курс (в 1844 г.), а два

другие брата перешли на старшие курсы. В «Воспоминаниях» Льва Николаевича об этом времени указывается уже другая квартира П. И. Юшковой—в д. Киселевского на углу Арского поля, где Л. Н. жил вместе с братом Сергеем в комнате за хорами над залом. В начале 40-х годов этот дом на Красной ул., как видно из «Указателя гор. Казани» Чернова на 1840 г., принадлежал жене члена комиссариатской комиссии надв. сов. Платона Ивановича Киселевского. С этой второй квартиры в начале 1846—1847 учебного года братья Толстые, отделившись от тетушки П. И. Юшковой, поселились на частной квартире в доме тогда принадлежавшем Петонди, а позднее Ложкинской городской общественной богадельне, где ныне помещается дом инвалидов (на углу Покровской и Попережно-Казанской ул. против зданий быв. первой гимназии). Сообщая об этой квартире проф. Н. П. Загоскин (см. «Истор. Вестник» 1894 г., январь, стр. 118—123) говорит, что Толстые «здесь занимали пять комнат в верхнем этаже каменного флигеля», и далее рассказывает со слов очевидца, как отсюда собравшаяся небольшая кучка студентов провожала уволившегося из числа студентов и покидавшего Казань Льва Николае-

вича. Таким образом квартира в д. бывш. Петонди, на которой Л. Н. не прожил и года, является третьей и последней из известных квартир, в которых протекала студенческая жизнь Л. Н. в Казани.

Несколько позднее Л. Н. еще побывал в Казани, именно весною 1851 г. проездом на Кавказ вместе с братом Николаем, служившим на Кавказе. Они посетили здесь мужа Пелагеи Ильиничны В. И. Юшкова, жившего в деревне, и у начальницы Казанского Родионовского Института Е. Д. Загоскиной Л. Н. встретил бывшую воспитанницу института Зинаиду Модестовну Молоствову и, увлекшись ею, — «испытал поэтическое чувство влюбления», с которым и уехал на Кавказ. За эту неделю своего пребывания в Казани он написал два письма к Т. А. Ергольской, в которых между прочим сообщает: «Только приехав в Казань, я опять начинаю приходить в хорошее настроение, которым и пользуюсь, чтобы писать вам»; «в Казани я провел очень приятно неделю». А в дневнике в записи от 8 июня 1851 года он, говоря, что его «отношения с Зинаидой остались на ступени чистого стремления двух душ друг к другу», выражает желание и намерение на ней жениться и подтверждает, что «луч-

шими воспоминаниями останется навсегда это милое время»... Но увлечение прошло, и 22 июня 1852 г. в дневнике записано: «Зинаида выходит замуж за Тиле. Мне досадно, и еще более то, что это мало встревожило меня».

Есть еще сведение, что Л. Н. проезжал через Казань в 1876 г., когда он ездил для покупки лошадей в Самару и Оренбург вместе с племянником Николаем Валериановичем Толстым. В этот раз в письме к жене от 5 сентября он пишет: «Пишу в 11 часов вечера... из самого города Казани, куда мы приехали ночевать, т. к. от беспорядицы Самолетского парохода, на который мы к несчастью попали, и который сел на мель и сломался, мы потеряли целые сутки. Ты не можешь себе представить, как это обидно, когда, как я, считаешь каждую минуту»... «поездка по Волге имела до сих пор мало приятного»... «сижу в номере»... «Казань возбуждает во мне своими воспоминаниями неприятную грусть».

III.

Казанский период жизни Льва Николаевича не прошел для него бесследно. При всей пустоте жизни окружавших его лиц зародившееся у него сомнение—хорошо ли живут эти люди—вызвало в нем уже в 15-

летнем возрасте стремление освободиться от покорности чужим взглядам, и здесь, по его словам, он «в первый раз понял, что ему надо жить самому, самому избирать путь, самому отвечать за свою жизнь перед тем началом, которое дало ее». Пребывание в университете, хотя и без окончания курса и с рядом неудач, несомненно также повлияло на ход дальнейшего его развития и помогло произвести так сильно действовавшую и пробуждавшую сознание масс беспощадную критическую оценку правовых отношений людей, со строгостью в то же время к себе на основе требования служения истине на пользу ближним, через личное совершенствование. Наконец в этот же казанский период жизни было положено начало разрушению веры в отжившее церковное суеверие, исканию смысла жизни и протесту против стеснений личности существовавшим государственным строем.

А. Вилькен.

КАЗАНСКИЕ ЗНАКОМСТВА ТОЛСТОГО.

(По печатным и архивным источникам¹⁾).

I

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ и ПЕЛАГЕЯ ИЛЬМИНИШНА ЮШКОВЫ.

У Юшковых в Казани Толстой прожил шесть зим, а затем заехал к ним в Казань весной 1851 г. по дороге на Кавказ. Через тетку и ее мужа он, будучи подростком и юношей, познакомился с тем казанским светским обществом, в котором ему пришлось бывать в пребывание свое в Казани.

Владимир Иванович Юшков (1789—1869), сын председателя казанского верхнего земского суда,²⁾ выйдя в отставку в чине полковника, поселился в своем небольшом имении Панове (в 30 верстах от Казани), а зимой жил в Казани. В памяти казанцев о нем осталась репутация образованного чело-

¹⁾ Вследствие обилия материала и небольшого объема настоящего издания, здесь печатаются лишь первые главы работы К. С. Шохор-Троцкого, относящиеся к „светскому“ обществу, в котором вращался молодой Толстой.

²⁾ Иван Иосифович Юшков (ум. в 1811 г.).

века, остроумного весельчака и добродушного шутника. Богомольной А. И. Остен-Сакен (своей свояченице) он прислал однажды посылку в виде большого ящика, в котором один в другом находились ящики и коробки все меньшего и меньшего размера, и в самой маленькой лежал в вате сделанный из фарфора монах.¹⁾

С Вл. Ив. Юшковым, которого Толстой помнил с своих детских лет и о котором хотел много написать в своих воспоминаниях, у Толстого были хорошие отношения. В конце мая 1862 г. он по дороге в Самарские степи заехал к старику в Казань и остался доволен общением с ним. Об этом он сам написал Юшкову осенью того же года, сообщая ему о своей женитьбе. В ответном письме от 27 сентября 1862 г. старик, между прочим, писал Толстому: «Вчера получил твое письмо и сегодня отвечаю тебе, чтоб поздравить тебя, мой друг, с твоею радостью. Дай боже, чтоб эта радость была твоим счастьем. Зная тебя, я уверен, что выбор твой во всех отношениях прекрасен... Если три дня, проведенные со мной, были тебе приятны и

¹⁾ „Воспоминания детства“ Л. Н. Толстого, гл. 5-ая.

теперь памятен, то я их благословляю. Люби меня и не забывай!... Прощай. Целую тебя от всего сердца. Да хранит тебя св. провидение». ¹⁾ В том же письме он обещает Толстому прислать свою фотографическую карточку. ²⁾

Пелагея Ильинишна выросла в семье очень мягкого, бестолково - мотоватого, как его характеризует внук И. А. Толстого, в имени которого «шли долго не переставшие пиршества, театры, балы, обеды, катанья, которые... кончились тем, что большое имение его жены все было так запугано в долгах, что жить было нечем», почему он и должен был выхлопотать себе место губернатора в Казани. ³⁾ Здесь-то и состоялась свадьба графини Пелагеи Ильинишны с Вл. Ив. Юшковым. Сам Толстой характеризует ее как женщину добрую и очень набожную, но легкомысленную и тщеславную (первая ред. «Исповеди»). В Казани же Пелагея Ильинишна «оставила по себе па-

¹⁾ Не издано. Хранится в Публичной Библиотеке СССР им. Ленина. Письма Толстого к Юшкову, повидимому, не сохранились.

²⁾ Портреты его имеются в Ясной Поляне, в кабинете Льва Николаевича, и в Толстовском Музее в Москве.

³⁾ „Воспоминания детства“, гл. IV.

мать крайне доброй, хотя и небольшого ума, женщины, до мозга костей пропитанной светскостью и ультра-аристократическими принципами». На этой почве между нею и ее мужем «зарождались довольно частые и крупные недоразумения»,¹⁾ и они не раз даже жилали отдельно.²⁾

II.

МУСИН-ПУШКИН. — БОРАТЫНСКИЕ. — ЖЕЛТУХИНЫ. — РОДСТВЕННИКИ ЮШКОВЫХ.

Живя у Юшковых, юный Толстой постепенно, но вероятно быстро вошел в казанский светский круг и в 16 лет уже был

¹⁾ Загоскин, там же.

²⁾ После смерти своего мужа, П. И. Юшкова ушла жить в монастырь (хотя и не приняла монашества) и несколько лет жила в Тульском женском монастыре. В 1875 году она переехала в Ясную Поляну, где и умерла „в страшных мучениях“. „Странно сказать, — писал Толстой, но эта смерть старухи 80-ти лет подействовала на меня так, как никакая смерть не действовала; мне ее жалко потерять, жалко это последнее воспоминание о прошедшем поколении моего отца, матери, жалко было ее страданий, но в этой смерти было другое, чего не могу вам описать и расскажу когда-нибудь. Но часу не проходит, что бы я не думал о ней“. (Письмо к гр. А. А. Толстой, датир. мартом 1876 г., „Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой“, изд. О-ва Толстовск. Музея, Спб. 1911, стр. 263).

повидимому принимаем во всех местных «салонах». Бывал он в доме попечителя Казанского учебного округа гр. М. Н. Му-сина-Пушкина, который приглашал братьев Толстых к себе на танцы¹⁾ и сыновья ко-торого в то время учились в Казанском университете. Бывал он иногда и у Бора-тынских и еще вероятно реже у Желтухи-ных. Казанский губернатор Ираклий Абра-мович Боратынский (1802—1859), брат по-эта, и его жена, известная красавица Анна Давыдовна (рожденная княжна Абамелек²⁾) принимали в своем, прекрасной архитек-туры, доме на Лядской улице. Губернский же предводитель дворянства, о «высоко-утонченном вкусе» которого упоминают хроникеры того времени,³⁾ Владимир Федо-рович Желтухин (1783—1848), давал балы

¹⁾ „Исповедь“ Л. Н. Толстого, гл. I.

²⁾ Дагерротипный портрет четы Боратынских, принадлежащий музею-усадьбе „Мураново“ поэта Ф. И. Тютчева, выставлен на юбилейной Тол-стовской выставке в Толстовском Музее в Мо-скве. Они же изображены на известной картине Тю-фяева „Бал в Дворянском собрании“ (см. репро-дукцию в брошюре В. В. Егерева „Внутреннее ар-хитектурное убранство зданий Казани“, Казань, 1927).

³⁾ „Казанск. Губ. Ведомости“, 1845, № 43 (не-офици. часть).

и в здании Дворянского собрания, и в собственном доме на Воскресенской. По воспоминаниям современников, имевший звание камер-юнкера Желтухин, «любя внешнее *mise en scène*, держал огромный штат мужской и женской прислуги. Разделение должностей этой прислуги напоминало отчасти придворные чины, отчасти дворовую помещичью иерархию, сложившуюся у больших русских бар в течение XVIII века, в подражание немецким и французским аристократам с остатками московско-вотчинно-крепостного рспорядка.... Все эти дворовые чины имели соответствующую своим должностям форму:... ливрейные серые фраки и красные с золотыми позументами жилеты, белые чулки и черные башмаки с пряжками.. Выездные лакеи, стоя на запятках кареты или возка, надевали ливреи цвета, соответствовавшего цвету полей герба, а на металлических пуговицах ливреи красовался герб Желтухиных»¹⁾... Жена предводителя, Татьяна Петровна (рожденная Вешнякова, 1796—1856) «была типичной предводительницей, провинциальной зажиточной поме-

¹⁾ Д. А. Корсаков. Из жизни русского дворянства. „Историч. Вестн.“ 1911, № 8, стр. 473—474.

щицей первой половины XIX века, мнящей себя аристократкой». Вот как характеризует ее современник: она «была умна, хорошо воспитана на французский лад и весьма корректна в своих отношениях к людям, которых считала равным и себе по происхождению и положению... К людям же не из «общества» относилась или покровительственно-снисходительно, или величаво и пренебрежительно, смотря по тому «слою», к которому принадлежали эти люди «не из общества». *ces gens-la!* Слуг, дворовых и крестьян Желтухина считала за «хамово отродье» — «она была в полном смысле слова «крепостницей и по ее запискам к полицеймейстеру в полицию «учили» ее провинившихся дворовых».¹⁾

III.

Е. Д. ЗАГОСКИНА, ЕЕ ГОСТИНЯЯ И РОДИОНОВСКИЙ ИНСТИТУТ.

Постоянно молодой Толстой бывал у Екатерины Дмитриевны Загоскиной (1807—1885), бывшей в те годы начальницей казанского женского Родионовского института для благородных девиц, в котором училась сестра Толстого Марья Николаевна.

¹⁾ Там же, стр. 479—482.

Екатерина Дмитриевна, как сообщает казанская мемуаристка М. П. Ватаци (ее племянница), «умела приноровить свой состав института к своей жизни. Гостиная ее привлекала к себе все, что было выдающегося в Казани, и среди посетителей хозяйка выдвигалась умом, образованием и светским лоском. Старшие девочки дежурили и занимали гостей, что давало им умение себя держать и уничтожало застенчивость. Летом институт не распускали, и дети пользовались чудным воздухом огромного парка, который его окружал. Вставая в 6 часов утра, Екатерина Дмитриевна шла на прогулку, и девочки, при желании, могли сопровождать ее, при условии, конечно, говорить по-французски. Старший класс делился на группы, и каждая группа работала, обшивая весь институт, при чем одна девица читала вслух. Вообще Екатерина Дмитриевна пользовалась вакатом, устраивая поездки, пикники, и время проходило незаметно.¹⁾ В одном из черновых вариантов к повести «Юность»²⁾ Толстой описывает, между прочим, как друг Николень-

¹⁾ „Историч. Вестн.“ 1913, № 6, стр. 783—784.

²⁾ Написаны в 1855—1858 годах.

ки Иртеньева, Нехлюдов, ¹⁾ будучи на концерте, познакомил его с своей теткой:»... он подошел ко мне, взял меня за руку и повел представлять своей тетке. Тетка его (которая была Загоскина) сказала, что она таким ожидала меня по рассказам Володи, что точно у меня умная рожа, продолжала говорить с папа, и я невольно слышал их разговор». «Бог знает, что случится, ²⁾ говорил папа серьезно: и вы знаете, что я готов бы все сделать, но я не могу. У вас так хорошо все заведено в институте, что я лучше не могу желать воспитания для своей дочери». — „Вы знаете мои отношения с графиней, и мне больно будет думать, что я делаю, что ей не нравилось бы. Впрочем, подумаем, привозите ко мне девочку“. Я ушел на свое место» ³⁾.

¹⁾ Как известно, прообразом Николеньки надо считать самого Толстого. Прообразом же Нехлюдова в повестях «Отрочество» и «Юность» в значительной мере является, по собственному свидетельству Толстого, сблизившийся с ним в Казани, в 1844—45 году, Д. А. Дьяков, бывший двоюродным племянником Е. Д. Загоскиной.

²⁾ По этому черновому варианту, Николенька и его братья, вернувшись с концерта, застают свою бабушку (графиню) на столе.

³⁾ Следует иметь в виду, что отец Льва Николаевича не дожил до поступления дочери в институт, так же, как и бабушка его, гр. П. Н. Тол-

Толстой был знаком с Е. Д. Загоскиной¹⁾. Имеются основания считать, что он был принят Загоскиной, как «свой», а не как заурядный светский участник увеселений. Л. Н. Толстой постоянно бывал и у нее, и в Родионовском институте, на вечерах, а покинув Казань, поддерживал отношения с ней перепиской. Так, в журнале ежедневных занятий 1847 г. под 6 июня он отмечает свое письмо к ней, в дневнике 1851 г., за 12 июня, и в 1852 г., 12 апреля, дает себе на завтра задание написать ей письмо. Известно, что тридцать лет спустя, в 1885 году, Толстой, живший в то время в Москве, узнав о приезде Загоскиной в Москву к дочери, бывал у нее. Это было уже незадолго до ее смерти.

Толстой был, конечно, знаком и с дочерьми Екатерины Дмитриевны. В письме от 22 мая 1851 г., написанном вскоре по отъезде из Казани, он упоминает об «егозе

стоя. Таким образом в повести своей художник Толстой сплел в один узор действительную быль с художественным вымыслом.

¹⁾ Об этом упоминает ее племянник, А. П. Мертваго, в статье «Первая любовь Толстого» — «Утро России», 1911, 12 июня, № 134.

Вареньке с коротким носом, но с большими грудьми»¹⁾).

Бывая у Загоскиной и в институте за- просто, Толстой там знакомился с очень многими. По свидетельству современника, Е. Д. Загоскина «принимала у себя всю светскую Казань, и ее гостиная по типу стояла почти на одном уровне с губернаторской²⁾. Здесь Толстой, между другими, встречался с родственниками Загоскиной— Мертваго и Депрейсами, с Молоствовыми, их родственниками Еремеевыми и Нератовыми. Вероятно, именно у Загоскиной он впервые познакомился с другом своим Д. А. Дьяковым. В той же гостиной Загоскиной, или на устраиваемых ею прогулках, а также и в залах института, ему приходилось знакомиться и с институтками³⁾ и с «классными дамами». Некоторых из последних

¹⁾ Письмо к А. С. Оголину—сборн. „Толстой. 1850—1860. Материалы, статьи. Редакция В. И. Срезневского“. Ленинград, изд. Акад. Наук СССР, 1927, стр. 8. |

²⁾ П. Д. Боборыкин: „За полвека“—„Русская Мысль“, 1906, № 5, стр. 9.

³⁾ Среди подруг М. Н. Толстой была Софья Симонова (дочь профессора [?])—об этом ему напоминала много лет спустя ее сестра Адель Гамазова (архив Д. Толстого).

он упоминает в письме своем к сестре (М. Н. Толстой) от 26 мая 1851 г.: «Пушникова—классная дама и очень красива. Девицы Чулковы отвратительны, но тем не менее классные дамы» (не издано; перевод с французского). Некая Екатерина Яковлевна Судовская (в замужестве Сорнева), также бывшая классной дамой в Родионовском институте («где мы с вами так часто видались и дружески беседовали»), напоминая Толстому о себе почти через 40 лет, выражала желание повидаться с ним¹⁾.

IV.

МЕРТВАГО И ДЕПРЕЙСЫ.

В доме Загоскиной, да и не только у нее, молодой Толстой встречал ее брата Петра Дмитриевича Мертваго (1813—1879). Внешний облик Мертваго так врезался в память Толстого, что больше, чем через полстолетие, при встрече с его сыном, Александром Петровичем,²⁾ Толстой воскликнул: «Как вы похожи на отца!» П. Д. Мертваго

¹⁾ Архив Л. Н. Толстого (Публичная библиотека СССР имени Ленина).

²⁾ А. П. Мертваго (1856—1915), агроном, редактор журнала „Хозяин“, автор нескольких статей о Л. Н. Толстом. Лично был у Толстого в Москве в 1900 г.

в 1840-х годах состоял адъютантом при казанском военном губернаторе и, по словам его сына, был «человеком очень светским и остроумным в обществе»¹⁾. По свидетельству же его дочери, это был легкомысленный, веселый, разговорчивый человек, в присутствии которого никто не скучал, так как он всех оживлял и развлекал. Он «глубоко не задумывался над женитьбой» и однажды «в кругу молодежи он на пари хвалился, что женится на Машеньке Депрейс,²⁾ которая в то время была самая богатая и завидная невеста в Казани». И, пойдя «наудачу», слезами добился согласия этой девушки на брак³⁾.

С жившей в Казани помещицьею семьей Депрейсов молодой Толстой был хорошо знаком. Через 50—55 лет, в письме к Е. Н. Депрейс, он писал: «Всегда с большим удовольствием вспоминаю о вашей семье и о вас».⁴⁾ Состав семьи Депрейсов во времена молодости Толстого был следующий:

¹⁾ «Утро России», 1911, № 134, 12 июня, статья А. П. Мертваго: «Первая любовь Л. Н. Толстого».

²⁾ Мария Николаевна Депрейс (1823—1860) вышла замуж за П. Д. Мертваго осенью 1844 г.

³⁾ См. «Быль минувшего», воспоминания Марии Ватаци—«Историч. Вестн.» 1913, № 5, стр. 249.

⁴⁾ Письмо от 6 апреля 1899 г. (не издано).

Николай Исаевич (1788—1854), его жена Наталья Порфирьевна, рожденная Молоствова (1806—1870), три дочери-девицы и четыре сына-подростка¹). Жили они в своем большом каменном доме на Мало-Покровской улице. В этом доме Толстой часто бывал и, если верить свидетельству мемуаристки М. П. Ватаци (внучке Дебрейс), 9 мая 1851 года из этого самого дома, прямо с бала, он уехал на Кавказ²).

Старик Дебрейс, получивший воспитание в известной московской семье Пашковых, участвовал в свое время в масонских ложах и для того времени был безусловно незаурядным человеком. Он отличался большой энергией, не любил праздную жизнь и любил вводить разные нововведения (напр., травосеяние). Как человек, он отличался мягким характером и гуманностью. В отношении крепостных он не допускал глумления, почему к нему часто обращались крепостные других, отличавшихся жестокостью, помещиков с просьбою, чтобы он

¹) Дебрейсы: Екатерина, Варвара (впоследствии замужем за И. В. Троицким), Ольга (впоследствии за А. Н. Булыгиным), Николай и Петр (впоследствии севастьяпольцы), Владимир и Сергей.

²) Воспоминания «Быль минувшего» — «Историч. Вести.», 1913, № 5, стр. 431.

купил их. Он запретил, чтобы его дочерей одевали или разували крепостные девушки, а однажды, когда «его маленькая дочь замахнулась на свою няню, он приказал ей тотчас поклониться ей в ноги и просить у нее прощения»¹⁾. Жена его также отличалась редкой мягкостью характера и деликатностью. Эти черты родителей несомненно сказались на их детях, из которых молодой Толстой больше встречался, повидимому, с второй и третьей дочерьми Дебрейсов: Екатериной и Варварой, особенно с Екатериной. Они не блистали красотой или миловидностью, были даже дурны собою. Тем не менее они были Толстому милы и симпатичны. Екатерина Николаевна (род. 1833) отличалась приветливостью, сердечностью и душевной чистотой. Она писала стихи, незатейливые, простые и отличающиеся редкой искренностью чувства²⁾.

Отказавшись от личной жизни, она, в 27 лет, приняла «в наследство» шесть малолетних детей своей умершей сестры

¹⁾ Там же, № 5, стр. 421.

²⁾ Изданы ее стихи лишь в 1905 году отдельной книгой: „Стихотворения Екатерины Николаевны Дебрейс“, М. 1905. Приложен портрет Е. Н. в старости.—Л. Н. Толстой вряд ли знал об ее творческих опытах.

(М. Н. Мертваго) и отдала всю себя заботе о них.

Много лет спустя, в 1892 году, когда тысячи крестьян голодали, Е. Н. Депрейс обратилась к Л. Н. Толстому с письмом в связи с делом помощи голодающим, в котором и она приняла деятельное участие в Казанской губернии ¹⁾. Прошло еще семь лет, и она вновь, по такому же поводу, написала Льву Николаевичу ²⁾.

V.

МОЛОСТВОВЫ.

На семье Молостловых следует остановиться подробнее—с нею связаны поэти-

¹⁾ Письмо от 27 января 1892 г., из с. Красный Яр, Чистопольского уезда, Казанской губ.—Отвечил ли Толстой на это обращение Е. Н. Депрейс к нему, выяснить не удалось.

²⁾ На это письмо Толстой послал Е. Н. Депрейс следующий ответ: „Дорогая Екатерина Николаевна. Очень рад был получить от Вас письмо и рад бы был исполнить ваше желание и прислать Вам деньги, но, стараясь наилучшим образом исполнить желание жертвователей, обратился к К. А. Юшкову, прося его распределить деньги на самые нуждающиеся местности. Обратитесь к нему и простите меня за то, что я не прямо исполнил ваше желание. Всегда с большим удовольствием вспоминаю о вашей семье и о вас. Дружески жму вашу руку и остаюсь готовый к услугам Лев Толстой. 6 апреля 1899». (Печатается впервые с имеющейся в нашем распоряжении фотокопии).

ческие переживания и воспоминания Л. Н. Толстого, его казанская юношеская любовь.

Родоначальником казанской ветви старого дворянского рода Молоствовых был Порфирий Львович Молостров (1760—1808), владевший известнейшим в казанском крае фамильным поместьем в селе Трех Озерах, умноживший свое состояние женитьбой на принесших богатые «приданые»—Наталии Ивановне Родионовой¹⁾ и Екатерине Андреевне Нечаевой, умершей в 1850 г., и состоявший ряд лет казанским губернским предводителем дворянства. Потомство его было многочисленно²⁾ и установило родственные связи с рядом старых казанских фамилий (Депрейсы, Нератовы, Еремеевы, Мертваго и др.). Семья Молостровых представляла собой «ядро старой аристократии Казанской губернии» и выдавалась своим культурным уровнем. Детям своим П. Л. Молостров дал хорошее образование. Наибольшую извест-

¹⁾ Ее мать А. Н. Родионова пожертвовала дом и двести тысяч для устройства получившего ее имя Родионовского института благородных девиц.

²⁾ У него было 10 человек детей, а его вдова, Е. А. Молостова, оставила после себя сорок внуков и 8 правнуков („Историч. Вестн.“, 1913, № 5, стр. 425).

ность из них получил Владимир Порфирьевич (1794 — 1863), проживший лучшие годы своей жизни в Силезии, в замке своего друга принца Евгения Виртембергского, у которого он встречался с самим Гёте ¹⁾. В 1838 году он получил назначение в наказные атаманы уральского казачьего войска, проделал вместе с Перовским знаменитый «хивинский поход». Спустя же девять лет, уже в год выхода Толстого из университета, Молоствов принял должность попечителя казанского учебного округа, заменив перешедшего в петербургский округ гр. М. Н. Мусина-Пушкина.

Достоверно неизвестно, был ли Л. Н. Толстой лично знаком с В. П. Молостановым. Очень вероятно, что он встречался с ним в казанском „свете“. Из детей же В. П. Молостова, носивших „отпечаток немецкого образования“, Толстой, живя в Казани, лично знал Ольгу Владимировну (1823—1875), бывшую замужем с 1848 г. за Николаем Николаевичем Шуваловым, приятелем братьев Толстого, учившимся одновременно с ним в университете. Будучи в Казани проездом на Кавказ, он встре-

¹⁾ „Литературный сборник к 100-летию имп. Казанского Университета. Былое из университетской жизни“. Казань, 1904, стр. 150—153; еще см. „Историч. Вестн.“, 1913, № 5, стр. 424.

чался с Шуваловыми ¹⁾. Кроме того, зимой 1851—1852 года, находясь на Кавказе, он повстречался с братом О. В. Шуваловой, Германом Владимировичем Молоствовым (1827—1894), который впоследствии рассказывал своим семейным, что ему пришлось присутствовать и принимать участие на экзаменационном испытании Толстого перед производством последнего в офицерский чин.

Ближе Толстой знал семью Модеста Порфирьевича Молостова (1799—1845), второго сына П. А. Молостова и брата попечителя. Самого М. П. Молостова, бывшего ряд лет уездным предводителем Спасского уезда (Казанской губ.), Толстой вряд ли знал (осенью 1845 г. Молостов уже умер). Семья же М. П. Молостова состояла из его вдовы Варвары Ивановны, рожденной Мергасовой (1803—1881), четырех сыновей и восьми дочерей. Бывал ли Толстой у Молостовых, сведений не имеется, но несомненно, что со всеми ими он встречался в казанском светском обществе, в родственниках им семьях, и прежде всего у Е. Д. Загоскиной, а также у своей тетки

¹⁾ Дневник, запись 20 мая 1851—„Дневник молодости Л. Н. Толстого“, изд. 1-е, под редакц. В. Г. Черткова, т. I, 1847—1852, М. 1917, стр. 69.

П. И. Юшковой. Из дочерей же его Толстой ближе всего подошел к старшим—Елизавете Модестовне и Зинаиде Модестовне, под обаянием которой он уехал на Кавказ.

С этими сестрами Молоствовыми Толстой познакомился, повидимому, еще в студенческие годы, вероятнее всего зимой 1845—1846 или 1846—1847 года, но встречи этого периода не оставили никаких следов, если не считать случайного упоминания имени Елизаветы Модестовны в дневнике Толстого за 7 апреля 1847 года („... отыграть потерянное Лиле в шахматы“ ¹⁾ и более позднего сообщения его же: „Я видал прежде Зинаиду институточкой, она мне нравилась, но я мало знал ее“, „Дневник“, 8 июня 1851).

В 1851 году, направляясь вместе со своим старшим братом Н. Н. Толстым на Кавказ, Толстой заехал в Казань, провел в ней „очень приятно неделю“, и эта неделя оставила в нем лучшие воспоминания, благодаря встречам с З. М. Молостовой.

¹⁾ Да и то догадку редактора „Дневника“ Толстого за 1847—1854, А. С. Петровского, что Лилей—Толстой назвал Е. М. Молостову, можно принять лишь с оговоркой.

VI.

ЗИНАИДА МОДЕСТОВНА МОЛОСТОВА.

Зинаида Модестовна Молострова родилась 24 ноября 1829 года. Осенью 1845 г., после смерти ее отца, ее поместили в Родионовский институт. Дочь Зинаиды Модестовны, Е. Н. Молострова, сообщает: ¹⁾ „Начальница института Е. Д. Загоскина относилась к моей матери с материнской любовью. Училась моя мать очень хорошо, соединяя в себе способности с исключительной любовью к знанию и постоянным стремлением к усовершенствованию. Юмор в ней шел об руку с глубоким умом и горячим сердцем“. Будучи подругой сестры Толстого (М. Н. Толстой) по институту, Зинаида Модестовна встречалась с ним не только в институте и в других местах на балах, но и бывая у Толстых. Как рассказывала Мария Николаевна Толстая ²⁾, „в доме Толстых ее очень люби-

¹⁾ Письмо Елизаветы Николаевны Молостровой, рожденной Тиле, к Елизавете Владимировне Молостровой (рожд. Бер) от 4 ноября 1914 г. (архив Е. В. Молостровой).

²⁾ Рассказывала она Николаю Германовичу Молострову (двоюродному племяннику Зинаиды Модестовны), собиравшему материал для биографии Л. Н. Толстого. (См. „Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество“. Н. Г. Молострова и П. А. Сергеевко, под ред. А. А. Волынского, вып. III, Спб. 1900, стр. 101—102).

ли и отличали от других, потому что при богатом „внутреннем содержании“ Зинаида Модестовна „была жива, остроумна, с большим юмором“. По свидетельству ее двоюродной племянницы М. П. Ватаци, „она не была красива, но удивительно стройна, обаятельна и интересна“ ¹⁾. Брат М. П. Ватаци, также племянник Э. М. Молоствовой, А. П. Мертваго, пишет о ней: ²⁾ „Она была не из самых красивых, но отличалась миловидностью и грацией. Она была умна и остроумна. Ее наблюдения над людьми всегда проникнуты были юмором ³⁾ и в то же время она была добра, деликатна по природе и всегда мечтательно настроена“. Хранящийся в Толстовском Музее (в Москве) ее портрет также подтверждает отзывы современников о незаурядности ее личности. Становится понятным, почему встретившиеся с нею автор „Тарантаса“ и будущий творец „Войны и Мира“ испытали поэтическое настроение. Граф В. А. Соллогуб, при прощании, обратился к ней с следующим стихотворением: ⁴⁾

¹⁾ „Историч. Вестн“, 1913, № 5, стр. 431.

²⁾ „Утро России“, 1911, № 134, 12 июня.

³⁾ Любопытно, что всеми отмечается ее склонность к юмору.

⁴⁾ „Истор. Вестн.“ 1913, № 5, стр. 433.

Случайно встретились мы с вами,
Сошлись—право хоть куда—
И вот различными путями
Мы разойдемся навсегда.
Вы только робко в жизнь вступили,
В мечтах живете молодых;
Мечты давно мне изменили,
И скоро зиму я начну.
Но прежде, осенью печальной,
Благословлю я путь ваш дальний
И вашу юную весну.

В 1851 году Толстой, приехав в Казань 1 или 2 мая, в течение недели, как он писал сестре, „имел случай постоянно видеть Зинаиду“, так как „М-ме Загоскина каждый день устраивала прогулки: по воде, то в Зилантьев, то в Швейцарию и т. д. ¹⁾—. „Я жил в Казани неделю“, записал он в дневнике через месяц: „Ежели бы у меня спросили, зачем я жил в Казани, что мне было приятно? Отчего я был так счастлив? Я не сказал бы, что это потому, что я влюблен. Я не знал этого. Мне кажется, что это-то незнание и есть главная черта любви и составляет всю прелесть ее. Как, морально, легко мне было в это время.

¹⁾ Неизданное письмо Толстого к сестре (в Тульское имение) от 26 мая 1851 г.

З. М. Модестова в 1850 годах.

Фотограф. Толстовск.
Музея в Москве.

Я не чувствовал этой тяжести всех мелочных страстей, которая портит все наслаждения жизни. Я ни слова не сказал ей о любви, но я так уверен, что она знает мои чувства, что ежели она меня любит, то я приписываю это только тому, что она меня поняла“ (Дневник, 8 июня 1851). В той же записи он обращается к ней: „Помнишь Архиерейский сад, Зинаида, бокковую дорожку? На языке висело у меня признание, и у тебя тоже. Мое дело было начать; но, знаешь, отчего, мне кажется, я ничего не сказал, я был так счастлив, что мне нечего было желать, я боялся испортить свое... не свое, а наше счастье“.

9 мая, ранним утром, прямо с бала ¹⁾ у Депрейсов, он отправился к В. И. Юшкову (нужно было собираться в путь): „утро было прекрасное и под впечатлением от бала и шампанского я провел несколько прелестных часов“ ²⁾. Выехав из Казани, он долго еще живет воспоминаниями о

¹⁾ По свидетельству дочери, Э. М. Молоствовы, бывшая в то время „почти невестой“, несмотря на это, „почти все мазурки танцевала со Львом Николаевичем и видимо интересовалась им“ (письмо Е. Н. Молостковой к Е. В. Молостковой, 4 ноября 1914).

²⁾ Неизданное письмо Толстого к сестре, 26 мая 1851 г.

проведенном в ней «милом времени». Родившееся в его сердце чувство к З. М. Молоствовой заставляет его с большей теплотой вспоминать всех, кто связан с нею, и ясно представлять себе „всю милую сторону Казани“. Поехал он из Казани до Саратова в тарантасе, а дальше, до Астрахани, на косовушке, где парусами, где на веслах. Будучи в пути, он пишет своей сестре (в Тульское имение Покровское) и делится с ней своими переживаниями: ¹⁾ „... Я в таком упоении от Зинаиды, что даже имел смелость сочинить стихи. Лишь под'ехавши к Сызрану, я ощупал свою рану...“ Упоминаемые им, сочиненные в Сызрани стихи—это эстафета в Казань, адресованная на имя влюбленного в Елизавету Модестовну Молостову казанского знакомого Толстого А. С. Оголина. Дословно ее текст таков ²⁾:

Господин
Оголин
Поспешите
Напишите

¹⁾ В том же письме.

²⁾ „Быль минувшего“, воспоминания Марии Ватаци, „Историч. Вестн.“ 1913, № 5, стр. 431; П. И. Бирюков: Биография Л. Н. Толстого, т. I, изд. 3-е, Гос. Изд., М. 1923, стр. 74.

Про всех вас
На Кавказ
И здорова ль
Молостцова
Одолжите
Льва Толстова

И в то же время, отмечая по пути же в Астрахань события последнего месяца, он в дневнике своем (20 мая), в лаконической записи о Казани ¹⁾ вовсе не упоминает имени Молостцовой. Быть может, в этом сказалось особенно бережное отношение к своему чувству.

И только приехав на Кавказ, оказавшись в совсем новом по впечатлениям месте, в чеченском ауле Старый Юрт, Толстой в большой поэтической записи (8 июня) пытается охарактеризовать свои отношения к З. М. Молостцовой и тут же отмечает свои колебания. „Я не оставляю своих планов, чтобы ехать жениться на ней“, пишет он. И тотчас же добавляет: „я не довольно убежден, что она может составить мое счастье“. Перед этим он задает сам себе вопросы: „Неужели никогда я не увижу ее? Неужели узнаю

¹⁾ „В Казани. Шуваловы, Зыбин, Загоскина, Оголин, Юшковы“.

когданибудь, что она вышла замуж за какогонибудь Бекетова? ¹⁾ Или, что еще жалче, увижу ее в чепце веселинькой и с тем же умным, открытым, веселым и влюбленным глазом?“. Ему приходит мысль написать ей, но незнание ее отчества делает это для него неосуществимым. „Отведя душу“ и сделав вывод, что он и сам не знает, что нужно для его счастья и что такое счастье, он всю большую, посвященную Молодцову, записку с горячим юношеским подъемом кончает словами: „Лучшим воспоминанием в жизни останется навсегда это милое время. А какое пустое и тщеславное создание человек.— Когда у меня спрашивают про время, проведенное мною в Казани, я небрежным тоном отвечаю: „Да, для губернского города очень порядочное общество, и я довольно весело провел несколько дней там“. Подлец!—Всё осмеяли люди. Смеются над тем, что с милым рай и в шалаше,

¹⁾ Александра Николаевича Бекетова, симбирского помещика, Толстой встречал в Казани у Загоскиной. По некоторым сведениям, он ревновал З. М. Молодцову к Бекетову, когда она оказывала ему внимание („Дневник молодости Л. Н. Толстого“, под ред. В. Г. Черткова, т. I, М. 1917, стр. 214).

и говорят, что это неправда. Разумеется правда. Не только в шалаше—в Крапивне, в Старом Юрте, везде. С милым рай и в шалаше, и это правда, правда, сто раз правда!“

Вскоре же после этой записи Толстой получил, в ответ на свою сызранскую стихотворную эстафету, большое письмо из Казани от Александра Степановича Оголина. Письмо это ¹⁾ касалось «некоторых», т. е. сестер Молоствовых, в одну из которых был тогда влюблен Оголин, почему он лучше, чем кто другой, мог знать, что интересуется молодого Толстого в Казани. Между прочим было сообщено, что его помнят в Казани. Оно взбудоражило Толстого, вызвало у него опять милые воспоминания. Толстой отвечал (22 июня 1851): ²⁾ «Зачем вам было нарушать мое спокойствие, зачем писали вы мне не про дядюшку, не про галстух, а про «некоторых». А впрочем нет, ваше письмо, и именно то место, где вы мне говорите о некоторых, доставило мне большое удовольствие.—Вы шутите; а я, читая ваше

¹⁾ В архиве Л. Н. Толстого оно не сохранилось.

²⁾ См. сборник «Толстой, 1850—1860, материалы, статьи», ред. В. И. Срезневского, Лнгр., изд. Академии Наук СССР, 1927, стр. 7—9.

письмо, бледнел и краснел; мне хотелось и смеяться и плакать...»

Воссоздавая в своем воображении, в связи с сообщениями Оголина, небольшой кусочек жизни маленького казанского кружка, связанного с Е. Д. Загоскиной и Молоствовыми, Толстой в том же письме к Оголину дает прелестный набросок отъезда Загоскиных и Молостровых. Весь ряд изображенных им или вскользь упомянутых лиц ему хорошо известен, и он с явным удовольствием делает зарисовки этих лиц. Что касается наиболее интересующих его барышень Молостровых (вернее—одной из них), то в своем изображении Толстой заставляет Е. Д. Загоскину послать к ним ее дочь, «егозу Вариньку», чтобы сказать, что пора ехать. Варинька возвращается, Оголин продолжает свой рассказ, от которого на устах слушателей играет улыбка. «Но вот заколыхалась зеленая шитая portière, выходит Молостовщина, дурные но добрые Дебрейс. Плутяки все веселинькие, свеженькие, в кисейных платьицах,—так всех бы их и расцеловал».

В конце письма Толстой просит А. С. Оголина: «Загоскиной скажите, что..... нет, лучше ничего не говорите; а ежели не найдете неприличным лучше скажите Зинаиде

Молоствой, que je me rappelle à son souvenir» ¹⁾).

Прошел год, и З. М. Молостова вышла замуж. Незадолго перед тем ее постигли два горя: умерла любимая ее младшая сестра Елизавета Модестовна (1831—1852) и тяжело был болен тифом ее жених, Николай Васильевич Тиле.

Елизавета Модестовна, едва достигшая 20 лет, по свидетельству ее племянницы М. П. Ватаци, была «по свойствам своей души совсем не от мира сего» и умерла в период «полного расцвета духа и красоты» ²⁾. Умерла она, будучи уже невестой А. С. Оголина.

Муж Зинаиды Модестовны, Н. В. Тиле (ум. 1893), сын казанского инспектора губернской врачебной управы, в конце 1840 и начале 1850 годов состоял чиновником особых поручений при казанском губернаторе И. А. Боратынском, а впоследствии стал коммерческим деятелем. Как человек, он ничем не выдавался и не был близок Зинаиде Модестовне в ее душевной и умственной жизни. Повидимому они были

¹⁾ Что я прошу вспомнить обо мне.

²⁾ «Историч. Вестн.», 1913, № 7, стр. 36.

людьми разных культур и ее «семейная жизнь была далеко не легка». Он вечно был поглощен служебными или коммерческими делами. А она была заботливой матерью и в то же время «всегда стремилась приносить пользу, где могла, много занималась сиротскими домами, даже устроила такой у себя в деревне» ¹⁾. Дочь ее пишет: «я редко встречала человека, который мог так сильно страдать за других» ²⁾. После неудачных родов она потеряла здоровье и осталась навсегда болезненной. Умерла она от расширения сонной артерии 10 февраля 1897 года. По словам ее дочери, Зинаида Модестовна «всю жизнь мечтала встретиться со Львом Николаевичем, всей душой увлекаясь его учением» ³⁾.

Интерес к личности и судьбе Зинаиды Модестовны Молоцковой, или просто милое воспоминание о пережитом в 23 года поэтическом к ней чувстве, Толстой сохранил до старости. В 1900 году, по прошествии почти 50-ти лет после приятно проведенной в Казани недели, к нему пришел по журнальному делу А. П. Мертваго. Сначала

¹⁾ Письмо Е. Н. Молоцковой к. Е. В. Молоцковой, 4 ноября 1914.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же.

последнему не удалось повидать Толстого, так как он спал и чувствовал себя нездоровым. Пришлось прийти вторично, при чем А. П. Мертваго был удивлен предупредительностью, встреченною им в доме Толстых. Оказалось, что Толстой, узнав о том, что к нему приходил Мертваго, просил, чтобы его разбудили, когда тот придет опять. Вскоре гостю стало ясно, что Толстой ждал его, но ему была еще непонятна причина этого. Вслед за вопросом об отце А. П. Мертваго (брате Е. Д. Загоскиной), «после короткой паузы Лев Николаевич каким-то, точно нерешительным тоном спросил:

— Вам кажется Молоствовы близкая родня?

— Да, это все мои дяди и тетки.

— Где теперь находится Зинаида Модестовна?

— Она три года как скончалась.

— Скончалась....—повторил грустно и удивленно Толстой и после продолжительной паузы спросил:

— А ее муж?

— Он скончался в 80-х годах.

Толстой как-то безразлично отнесся к моему ответу и, видимо, над чем-то задумался.

— Счастлива была Зинаида Модестовна в семейной жизни?... Дети хорошие у нее?...

— Да, у них очень дружная и хорошая семья. Мне эта семья была всегда ближе и симпатичнее всех других семей Молоствовых.

— А ее брат, артиллерист? спросил Толстой, начиная перебирать в памяти своих казанских сверстников....

Дальнейший разговор мне ясно показал, что непонятный мне интерес Льва Николаевича к моему приходу имел источником его «первую любовь» к З. М. Молоствовой¹⁾.

Эта беседа Толстого с Мертвого дает возможность предполагать, что при всей мимолетности поэтических встреч молодого Толстого с казанской барышней Молостовой Толстой на долгие годы сохранил светлое воспоминание об ее обаятельном облике.

Конст. Шохор-Троцкий.

Сентябрь 1928.
Москва.

¹⁾ Статья А. П. Мертвого—«Первая любовь Л. Н. Толстого»; «Утро России», 1911, № 134, 12 июня

Дом бывш. Киселевского. С чертежа 1859 г.

ТОЛСТОВСКИЕ ДОМА В КАЗАНИ.

К столетней годовщине со дня рождения Л. Н. Толстого невольно хочется еще раз перечитать его произведения, осмотреть обстановку, среди которой он жил и творил, посетить места так или иначе связанные с его именем или его творениями, одним словом—хочется полнее воссоздать картину внешних условий жизни и глубже понять духовный облик гениального художника и великого мыслителя. В Казани Л. Н. Толстой прожил пять с половиной лет, поэтому юбилейная дата обязывает уделить несколько внимания и тем казанским домам, в которых квартировал Л. Н. Путем возможного тщательного осмотра зданий и срав-

нения с графическими документами—правда, весьма скудными—сделаем попытку более точно установить местонахождение квартир Л. Н. и восстановить внешний вид домов, в которых находились эти квартиры.

Братья Толстые переехали в Казань, к своей опекунше—тетушке П. И. Юшковой, осенью 1841 года. Поселились они в доме Горталова на Поп.-Казанской улице. Что здесь была первая квартира Толстых, видно из воспоминаний Л. Н. о брате Дмитрие, о котором он пишет, что „особенность его первая проявилась во время первого говения. Он говел не в модной университетской церкви, а в казематской церкви. Мы жили в доме Горталова, против острога.“ Характерно в этих словах указание на первое говение Дмитрия Толстого, которое надо понимать было первым в Казани, т. к. Мите Толстому в то время было около 15 лет и он уже устарел для первого в своей жизни говения, которое по религиозным требованиям обычно происходит в 7—8 летнем возрасте.

И. К. Горталову на Поп.-Казанской улице принадлежали две смежных усадьбы. На первой из них, ближайшей к Казанскому монастырю, стояли два каменных дома и деревянный флигель. По свидетельству проф.

Д. А. Корсакова „Иван Кузьмич (Горталов) по очереди жил то в доме, выходившем на улицу, то в доме, бывшем на дворе, а деревянный флигель предназначался для помещения чиновников канцелярии старшего сына Ивана Кузьмича.“¹⁾ Постройки второй усадьбы до 1848 года, когда они были переданы Горталовым своему младшему сыну после женитьбы последнего, оставались свободными и, повидимому, предназначались для сдачи. В доме этой усадьбы и находилась первая по переезде из Ясной Поляны в Казань квартира Толстых.

Дом, стоящий в глубине усадьбы (теперь № 9), прежней владелицей П. П. Дедевой был построен в 1812 году по проекту архитектора Шмита. Каменный, в два этажа, без мезонина, в пять окон по переднему фасаду, дом спроектирован в характерных чертах екатерининского классицизма. Собственно говоря, архитектор Шмит в проекте не дал что-либо своего, а попросту взял без изменений среднюю часть проекта за № 11 из сборника утвержденных фа-

¹⁾ Д. А. Корсаков. Из жизни русского дворянства прошлого времени. Исторический Вестник. Т. СХХV.

садов для частных строений в городах¹⁾. В 1839 году дом обгорел, но был восстановлен в прежних своих размерах и виде. Кроме дома на усадьбе, по левой границе ее, т. е. в сторону р. Казанки, в одну линию вытянулись деревянные службы. В начале служб вплотную к ним примыкал небольшой каменный флигель, расположенный фасадом на улицу. Этому флигелю принадлежали еще другие деревянные службы, поставленные среди лицевой границы участка и отчасти закрывающие собой со стороны улицы главный дом усадьбы. Флигель со средними службами были выгорожены в особый двор и, вероятно, сдавались как самостоятельное владение, отдельно от главных построек участка. Такова была усадьба, когда на ней проживал Л. Н. Толстой.

В 1845 году строения усадьбы снова были повреждены пожаром, после которого исправления почти не изменили прежнего их вида, разве только то, что в саду по продолжению линии служб заложен каменный двухэтажный флигель, существующий до сих

¹⁾ Собрание фасадов апробованных для частных строений в городах Российской империи. 1809 г. Часть I.

пор.¹⁾ Этот флигель любопытен тем, что при свидании в 1901 году П. Л. Мануйлова с Толстым, последний вспомнил об этом флигеле, на закладке которого он присутствовал.²⁾ В 50-тых и 60-тых годах дом претерпел большие видоизменения, а может быть даже совсем был капитально переделан. По крайней мере, на плане 1871 года, составленном для перестройки деревянных служб на каменные,³⁾ конфигурация плана дома совпадает с настоящим его видом, а именно: с боков появились пристрои, сложенные, вероятно, в 60-тых годах, как это можно судить по клеймам на кирпичах,⁴⁾ вместо пяти окон основной массив дома имеет их семь, над домом надстроен мезонин и т. д. Таким образом можно констатировать, что дом со времени проживания в нем Л. Н. Толстого, к нашему сожалению, совершенно изменил свою внешность.

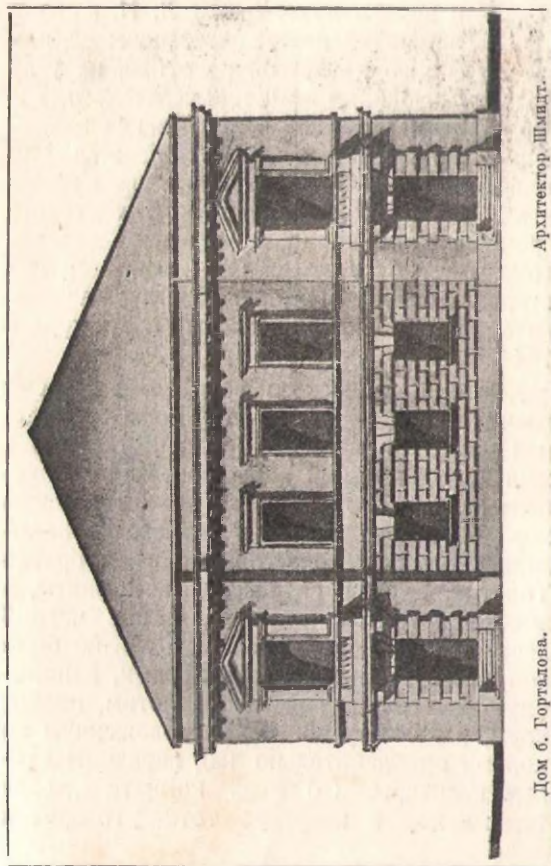
Возможно, что пожар 1845 года заставил Толстых сменить прежнюю квартиру на

¹⁾ Архив Каз. Губ. Строительн. Комиссии. Дело № 243, 1846 года.

²⁾ Письмо П. Л. Мануйлова к тетушке и сестрам от 26 ноября 1901 года.

³⁾ Плановой архив. Проект № 49—1871 года.

⁴⁾ На кирпичах стоят клейма „Ж. П.“, с которыми выпускался кирпич с завода Жуковского в 60-ых годах.

Архитектор Шмидт.

Дом б. Гортадова.

новую, в другом доме, о чем Л. Н. в своих „Воспоминаниях“ пишет следующее: „Жили мы тогда уже на другой квартире, на углу Арского Поля, в доме Киселевского, наверху. Верх разделялся хорами над залом. В первой части верха, до хор, жил Митенька, в комнате за хорами жили Сережа и я“. Что переселение в дом Киселевского произошло примерно в указанное время, показывает отсутствие на новой квартире старшего брата Л. Н.—Николая Николаевича, который окончил университетский курс в 1844 году.

Дом б. Киселевского в настоящее время значится под № 68, на углу Большой Красной улицы и Арского Поля. Когда в нем жил Л. Н., верхний этаж прорезался большим залом, с хорами над ним. По бокам хор—в сторону двора—в антресолях находились комнаты, в которых и жили братья Толстые. Вход в антресольные комнаты, а вместе с тем и на хоры, шел с черной лестницы, с которой сначала можно было попасть в комнату перед хорами, занимаемую Дмитрием Толстым, а потом, пройдя хоры, в комнату Л. Н., расположенную за хорами приблизительно над парадным входом квартиры. Об этой комнате „возле темных хор в квартире тетки“ говорит и

проф. Н. Н. Булич в письме к Н. Я. Гроту.¹⁾ Здесь произошел и описываемый Л. Н. случай вспышки злобы у брата его Дмитрия.²⁾

При новом владельце—П. Г. Осокине дом в 1859 году подвергся, как это видно из проекта,³⁾ большим переделкам. Так, антресоли были сделаны над всем зданием, в виде отдельного этажа, на хоры поставлена отдельная лестница внутри квартиры, а на самых хорах выделена самостоятельная комната. Кстати следует упомянуть, что эту-то комнату на хорах часто смешивают с той комнатой, за хорами, в которой когда-то жил Л. Н.

Начало 1846—1847 учебного года—по словам проф. Н. П. Загоскина—встретило братьев Толстых на третьей квартире в доме архитектора Петонди, на углу Покровской и Поперечно-Казанской улиц.⁴⁾ Здесь они занимали верхний этаж каменного фли-

¹⁾ Письмо Н. Н. Булич к Н. Я. Гроту. Н. Н. Гусев „Толстой в молодости“. 1927. Стр. 135.

²⁾ Инженер Ес., которого так неместно аттестовал Л. Н., является ни кем иным, как прапорщиком корпуса Инж. Пут. Сообщ. Есиповым, работавшим в Казани по планировке улиц с 8 июля 1842 года по 17 янв. 1846 года.

³⁾ Плановой архив. Проект № 27—1859 г.

⁴⁾ Н. П. Загоскин. Студенческие годы Л. Н. Толстого. „Историч. Вестн.“ 1894 г. Январь.

геля во дворе. На плане усадьбы Петонди, снятом в 1842 году,¹⁾ показано, что во дворе находился только один флигель, поставленный в дальнем углу двора по диагонали участка. Этот флигель стоит до сих пор с той лишь разницей, что лестница во второй этаж раньше находилась посредине здания, а теперь она перенесена сбоку флигеля. Дом Петонди был последним, в котором жил Толстой в Казани, откуда он 23 апреля 1847 года уехал в свою Ясную Поляну.

Не лишним, пожалуй, будет заметить, что Л. Н. в своем рассказе „После бала“, всего вероятнее, имел в виду свою квартиру в доме Горталова, а не Петонди, т. к. из первого дома он должен был прежде всего пройти „пустынный переулок“, т. е. Поп.-Казанскую ул., а потом выйти „на большую улицу, где стали встречаться и пешеходы, и ломовые с дровами на санях“, другими словами—на Покровскую и Грузинскую (теперь К. Маркса) улицы. Выход со двора Петонди, как это видно из плана, вел непосредственно на Покровскую улицу, минуя Поп.-Казанскую, которая действительно является ни чем иным, как тихим и „пустынным переулком.“

¹⁾ Архив Каз. Губ. Строительн. комиссии. Дело № 277, 1842 года.

Кроме трех домов, где жил Л. Н., Н. П. Загоскин указывает еще на дом б. Воронова по Ново-Комиссариатской ул. (теперь дом № 4 по улице Комлева), в котором квартировала П. И. Юшкова, когда Толстые ушли от нее на квартиру в доме Петонди.¹⁾ Может быть Юшкова и жила когда-нибудь в этом доме, но навряд ли это можно сказать про Л. Н. Скорее всего Юшковы перешли в дом на ул. Комлева после оставления квартиры в доме Киселевского, одновременно с переходом братьев Толстых в дом Петонди. Потом обе усадьбы на улице Комлева рядом с зданием б. епархиального женского училища (сейчас Высш. Парт. Школа) во время пребывания Л. Н. Толстого в Казани и после принадлежали не В. И. Юшкову, как говорит Загоскин, а И. В. Грабовскому, а последним дома за № 4 выстроены в 1851 году и за № 2—в 1862 году²⁾, т. е. Л. Н. никоим образом жить в них не мог.

Следовательно, нам достоверно известны три дома, связанные с пребыванием Л. Н. Толстого в Казани.

В. Егоров.

¹⁾ Н. П. Загоскин. Студенч. годы Л. Н. Толстого.

²⁾ Плановой архив. Проект № 55—1850 г. и проект № 130—1861 года.

Л. Н. ТОЛСТОЙ В ИЗОБРАЖЕНИИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ.

В связи с ознаменованием столетия со дня рождения Л. Н. Толстого вероятно для многих будет не безынтересно ознакомиться с тем художественным материалом, который охватывает изображения «великого писателя земли русской».

За всю жизнь Толстому приходилось много раз позировать художникам, скульпторам, рисовальщикам и даже любителям; что же касается фотографирования, то тут даже трудно представить себе тот материал, который очень подробно запечатлел Л. Н. Толстого во все периоды его жизни.

Нас интересует во всей этой богатой галлерее толстовской иконографии только одна ее часть—это изображения писателя, выполнявшиеся лучшими русскими художниками, произведения которых вошли в историю живописи и скульптуры как классические образцы портретного искусства. Из всего наследия портретов Л. Н. Толстого, которые уже точно учтены,—имеется бо-

лее 150 изображений, принадлежащих русским художникам и рисовальщикам, и до 20 бюстов, фигур и рельефов, выполненных русскими скульпторами. Но, конечно, нельзя сказать, что весь этот материал равного качества, и среди его очень много имеется таких произведений, которые с художественной точки зрения не представляют большого значения. Особую ценность имеют, конечно, те портреты, которые были выполнены только с натуры,—в них ярче выражена характеристика, больше экспрессии, проникновенности и, главное, связи со своей интереснейшей моделью. О них нам и хотелось бы поговорить.

Центральное место по своей выразительности и сходству как раз занимают те портреты Л. Н. Толстого, которые были исполнены группой художников-передвижников. Эти мастера были в тесной дружбе с Л. Н. и, кроме того, идейно были родственны с писателем по своим взглядам на искусство. Из них надо прежде всего упомянуть: И. Крамского, Н. Ге, И. Репина и Н. Ярошенко. Это сближение Л. Н. Толстого с художниками-живописцами относится к расцвету литературной деятельности и творческих сил писателя.

Одним из первых художников, заинтересовавшихся Л. Н. Толстым, был И. Крам-

ской, написавший с него в 1873 году поясной портрет. Толстой изображен сидящим на стуле в три четверти поворота фигуры со сложенными руками у пояса. У писателя серьезный, спокойный, сосредоточенный вид; облик лица у него в эти годы, судя по портрету, стал принимать солидную внешность благодаря отпущенной бороде, которая впоследствии придала Льву Николаевичу очень характерную, но в то же время простую наружность. Фон картины черный. Этот портрет представляет большой интерес с иконографической точки зрения, т. к. мы здесь видим Л. Н. Толстого в простом наряде, в отличие от прежних изображений, где он снимался или в франтовитой николаевке с бобровым воротником (1855 г.), или же в щегольском сюртуке с цилиндром (фото 1860 г.). На портрете И. Крамского он в широкой любимой блузе, в которой чувствовал себя свободно и легко и которая вошла в его житейский обиход как любимый костюм, остававшийся неизменным до самой смерти.

Известный биограф Л. Н. Толстого, П. И. Бирюков, считает портрет Крамского едва ли не лучшим из всех изображений Л. Н. как по силе экспрессии, по уловленному сходству, так и по подчеркнутым харак-

терным внутренним особенностям¹⁾. К этой же портретной теме Крамской еще раз возвращался в 1882 году, нарисовав Л. Н. Толстого карандашом по заказу известного в то время издателя и мецената искусств Собко.

Следующим мастером, который писал Л. Н. Толстого, был художник Н. Ге. Всем хорошо известно, какое огромное влияние на художника имел Лев Николаевич. Их взаимоотношения были самые теснейшие, дружба самая сердечная. Л. Н. Толстой бывал на хуторе Ге в Черниговской губ., а художник был частым гостем у Толстых. Переписка между ними была самая регулярная. Ге настолько был увлечен Л. Толстым, что не раз, по советам Льва Николаевича, перекомпановывал начатые свои картины²⁾. По поводу одной работы Ге писал Татьяне Львовне: „Картину свою я написал заново и этот последний толчек мне дал дорогой мой друг, а ваш отец Лев Николаевич“³⁾. Высказывая свои взгляды на

¹⁾ Сборник статей, посвященных Л. Н. Толстому. Издание Т-ва «Образование». Москва, 1910 г., стр. 71.

²⁾ А. П. Новицкий. История русского искусства. Т. II, стр. 280.

³⁾ Там же, стр. 286.

искусство, Л. Н. Толстой как-то заметил Ге, «что для него масляная живопись не имеет значения, что он понимает картину только как выражение мысли, а краски даже мешают ему» ¹⁾. Н. Н. Ге этими советами Толстого так увлекся, что некоторое время перестал писать красками и исключительно рисовал карандашом. В 1883 году Н. Ге сделал с Л. Н. Толстого несколько зарисовок углем и карандашом, и в 1884 году у него появился законченный портрет Льва Николаевича за письменным столом во время работы. В воспоминаниях А. К. Чертковой она описывает этот кабинет и обстановку как раз в период, когда Ге писал там портрет. Она говорит: «Комната меньше всех других с низким потолком—прежде всего поражала скромностью обстановки; мебель самая простая и ее очень мало: небольшой письменный стол налево, у окна, широкий клеенчатый диван, у стены направо, в углу, два-три стула или жесткие креслица, вот и вся обстановка» ²⁾. П. И. Бирюков, находя, что этот портрет Л. Н. Толстого написан Ге

¹⁾ Записки Екатерины Ге.

²⁾ Толстой и о Толстом. Новые материалы. Т. II, стр. 97. Издание Толстовского Музея, 1925 г.

с большой любовью, он все же страдает тем, что у Льва Николаевича, благодаря сильному наклону головы, не видны глаза ¹⁾. Алекс. Бенуа, давая оценку портретному искусству Н. Ге, считает его работы в этой области бесформенными и разнузданными, но в то же время гениальными по характеристике, подчеркивая, что к такому он относит как раз и портрет Л. Н. Толстого, на котором писатель выглядит мрачным и мудрым титаном, целиком ушедшим в свою великую работу ²⁾. Это произведение Ге находится в Третьяковской галлерее.

В 1885 году много шуму наделала картина И. Репина «Иван Грозный и его сын Иван». Она захватила все общество, и не чужд этих увлечений был Л. Н. Толстой—свои восторги он не скрывал от друзей, а Е. И. Репину написал письмо следующего содержания ³⁾: «Третьяго дня был на выставке и хотел тотчас же писать вам, да не успел. Написать же хотелось именно вот что—так, как оно сказалось мне: молодец Репин, именно молодец. Тут

¹⁾ Сборник статей Л. Н. Толстого. Изд. „Образование“ 1910 г., стр. 71.

²⁾ Ал. Бенуа. Школа русской живописи, стр. 49.

³⁾ Толстой и о Толстом. Сб. II, стр. 48.

что-то бодрое, сильное, смелое и попавшее в цель. На словах многое сказал бы вам, но в письме не хочется умствовать». Картина эта так взбудоражила общество, что царское правительство запретило не только отправлять ее на передвижные выставки по России, но не разрешило владельцу ее П. М. Третьякову показывать картину публике в его частной галлерее¹⁾. Надо думать, что сближение у Л. Н. Толстого с Репиным как раз завязалось в эти годы, и в 1887 г. И. Е. Репин уже гостил в Ясной Поляне у Толстого. За этот период пребывания у Толстых И. Е. Репин сделал много набросков карандашем, акварелью, пером. Л. Н. Толстого Репин рисовал и писал на косьбе, на пашне, за рабочим столом, за шахматами, за сохой, лежа на диване за чтением книг. Таким образом Репин дал прекрасную портретную галерею не только самого писателя, но и его яснополянской окружающей обстановки. К этому же времени относится репиновский портрет Л. Н. Толстого в кресле, ныне находящийся в Третьяковской галлерее. Очень любопытный отзыв о портре-

¹⁾ Вестник изящных искусств. Приложение „Художественные новости“. 1885 г. Т. III. № 17, стр. 447.

тах и яснополянских работах Репина мы читаем у Алекс. Бенуа. Надо сказать, что вообще художники и критики из группы «Мир Искусства» очень сдержанно и холодно относились к передвижникам, и как раз из-за разногласий во взглядах на современные течения у них и произошел в 1899 году разрыв с Репиным, но несмотря на это Александр Бенуа такую оценку дает работам Репина, посвященным Л. Н. Толстому: «Знаменательно, что самый удачный, единственно удачный из портретов Толстого, это тот, где яснополянский пророк изображен в небольшой фигурке с плугом. В этом портрете никакого Толстого нет—зато представлена милая картина деревенской жизни: изображен какой-то почтенный патриарх-крестьянин, в славный серенький день—пашущий среди черного одноцветного пейзажа»¹⁾. В 1891 году Репин опять гостил в Ясной Поляне и написал несколько этюдов с Толстого, послуживших ему впоследствии материалом для законченных больших холстов. По этим этюдам были написаны портрет Л. Н. Толстого лежа под деревом за чтением книги,

¹⁾ Ал. Бенуа. История живописи в XIX веке. Т. II, стр. 185.

затем за работой в кабинете и третий портрет у дерева в лесу: Лев Толстой в белой рубаше, черных штанах, босой, обе руки держит за поясом. Портрет этот находится в Русском Музее в Ленинграде. По поводу этой работы И. Е. Репин в своих письмах говорит следующее: «Портрет босого Льва Николаевича я писал в 1891 году в Ясной Поляне. Место в лесу, где стоит он, есть любимое место Льва Николаевича, где еще детьми они играли с братьями. Лев Николаевич рассказывал мне очень трогательную историю игры со своим братом Николаем, которого он обожал и был всегда глубоко очарован мистерией игры, которую вел брат Николай, увлекая до забвения всю юную компанию братьев; в этом местечке они хоронили какую-то таинственную магическую палочку, которая, когда будет найдена, произведет переворот во всем мире». Репин сначала писал этюд на месте в лесу, затем уже в натуральную величину писал большой холст с Толстого вблизи дома, т. к. переносить огромное полотно ежедневно в лес было сложно. И все же этот портрет не был закончен в Ясной Поляне—Репин его увез в Петербург. Только через 10 лет, в 1901 году, Репин снова принялся писать портрет и его закончил. Многие считают этот

портрет лучшим из всех толстовских изображений¹⁾. В 1909 году Репин еще раз писал портрет с натуры на любимую тему: «Л. Н. Толстой» и изобразил его полулежа в кресле, но на этот раз портрет воспроизводит Льва Николаевича уже очень дряхлым и вялым, сгорбленным стариком.

Перечисленными выше работами ограничивается серия лучших портретов с Л. Н. Толстого, исполненных художниками-натуралистами. В их произведениях мы видим тщательную упорно-трудолюбивую штудировку натуры, стремление как можно реальнее передать модель и в то же время какое-то мистическое увлечение величественной фигурой старца-мыслителя (работы Ге и Репина).

К числу художников более новейшего направления, увлекавшихся Л. Толстым, принадлежит Л. Пастернак, который с 1893 г. ежегодно стал бывать в Ясной Поляне. Уже в 1895 г. Л. Пастернак написал очень недурный портрет, изображающий сидящими во время чтения книги за столом Л. Толстого и художника Н. Ге. Вскоре в 1898 году Л. Пастернак принялся иллюстрировать «Войну

¹⁾ Эдуард Старк. Наши художественные сокровища. Русский Музей Александра III. 1913 год, стр. 27.

и Мир» и затем дал большую сюиту рисунков к «Воскресению». Самой лучшей импрессионистической работой Л. Пастернака является групповой портрет «Семья Л. Толстого», относящийся к 1901 году. Композиция этого портрета такова: «В комнате, установленной красного дерева мебелью, у круглого стола, освещенного большой лампой с абажуром, расположилась семья Толстого. Направо, на стуле, сидит Л. Н. Толстой, облокотясь левой рукой о спинку рядом стоящего стула и скрестив ноги. Левее у стола, повернувшись влево и нагнув голову, сидит Л. Л. Толстая, занятая рукоделием. Совсем налево, у стола, спиной к зрителю, сидит С. Л. Толстая и читает книгу. Комната освещена желтоватым светом большой лампы, стоящей на столе» ¹⁾. Картина находится в Русском Музее в Ленинграде.

В этой работе Л. Пастернак, очень удачно, в мягких формах и расплывчатой гамме искусственного вечернего освещения рельефно выделил силуэт Л. Н. Толстого. Общее впечатление от этого *interieur*'а звучит полным уютом и покоем. Не менее интересны

¹⁾ Н. Врангель. Русский Музей Александра III. СПб. 1904, стр. 339.

те предварительные эскизные работы Л. Пастернака, которые он выполнил как подготовительный материал для этой картины. Здесь у него имеется ряд рисунков, набросков углем, карандашом с Л. Н. Толстого в разных поворотах головы. Писал он также этюды маслом с натуры, и вся эта работа была проделана Л. Пастернаком в мае и июне 1901 года.

Кроме Л. Пастернака рисовали Л. Н. Толстого — С. Виноградов, Павел Трубецкой, В. Мешков, Моравов, М. Нестеров и др.

Теперь хотелось бы сказать несколько слов о тех, кто лепил Л. Н. Толстого.

Пробовали свои силы в этой области Репин и Ге, но, конечно, их работы не могут итти в счет, так как они, все же, не скульпторы. Из специалистов к более или менее удачным произведениям относят работы Аронсона. Пробыв две недели в 1901 году в Ясной Поляне, Аронсон за это время вылепил бюст Толстого в натуральную величину и два больших медальона. Лучшими произведениями скульптуры считают работы Павла Трубецкого, который в 1899 г. вылепил бюст Л. Н. Толстого и прекрасную статуэтку «Толстой верхом на лошади». Эта вещь вышла настолько выразительной, что вскоре же после появления ее на выставках

она была приобретена в Люксембургский Музей в Париже.

Лепили Толстого и Гинзбург, Диллон, Н. Андреев и С. Меркуров. Посмертные маски были сняты в 1910 г. Меркуровым и Дзюбановым (который одно время был руководителем скульптурного класса в Казани).

Таков общий облик художественного материала, зафиксировавшего образы и сцены из жизни Л. Н. Толстого в русском искусстве.

5/IX—28 г.

П. Дульский.

SOMMAIRE.

L'histoire de l'Université de Kazan est liée à deux noms illustres: Léon Tolstoï, Lénine.

La mémoire de ces deux hommes, célèbres dans le monde entier, éclairera toujours d'une puissante lumière les voies parfois ténébreuses de l'histoire universelle.

La révolution renverse tout ce qui ne vaut plus rien, mais conserve les diamants du passé détruit.

Bien que nous soyons loin de partager toutes les idées de L. Tolstoï, nous nous inclinons devant la mémoire du génie qui flagella hardiment les vices de la classe d'où il sortait et dont il sut prévoir la ruine.

P. N. Galanza.

I.

León Tolstoï à l'Université de Kazan.

Entrée de L. Tolstoï, par hasard, à l'Université de Kazan.

La vie universitaire de Kazan après 1840.

Psychologie du jeune Tolstoï.

L. Tolstoï étudiant, d'abord, à la faculté des sciences orientales, ensuite, à la faculté de droit de 1844 à 1847.

Conséquences psychologiques du séjour de L. Tolstoï à l'Université de Kazan.

N. Firsoff.

II.

Influences que L. Tolstoï subit à Kazan.

Brillant état de la faculté des sciences orientales de l'Université de Kazan de 1830 à 1840.

Caractéristique de cette faculté par Kastrene.

Les étudiants de l'Université de Kazan à cette époque: aristocrates et petits bourgeois. Leurs mœurs.

Les professeurs de L. Tolstoï: G. L. Foguel et D. J. Meyer.

Lobatchevsky comme philosophe.

Formation des idées de Tolstoï pendant son séjour à Kazan: son sens aristocratique, anti-démocratique, antiprolétarien malgré sa grande humanité.

M. Korboute.

III.

La vie de L. Tolstoï à Kazan.

La vie de L. Tolstoï, à Kazan, de 1841 à 1847, d'abord chez sa tante Jouchkova; rue Poperetchna-Kazanskaïa, maison Gortaloff, ensuite dans la maison de Kicelevsky, rue Arskoe Polé, enfin dans la maison Pétondi au coin des rues Pokrovskaïa et Kazanskaïa.

Description de la maison Gortaloff.

Nouveaux séjours de L. Tolstoï à Kazan en 1851 et en 1876.

Remarques sur l'idéologie de L. Tolstoï pendant la période de sa vie passée à Kazan: tendance à s'affranchir de l'influence idéologique d'autrui; évolution de ses points de vue critiques sur les relations civiques de l'homme; commencement de ses recherches sur le sens de la vie.

A. Vilkinge.

IV.

Leôn Tolstoï dans le monde de Kazan.

Familles fréquentées par L. Tolstoï: V. J. A. P. J. Jouchkoff, Moussine-Pouchkine, Boratinsky, Jeltouchkine.

E. D. Zagorskina, son salon et l'Institut Rodionoff. Familles: Mertvago, Despreisse, Molostvoff.

Z. M. Molostvova—amour platonique de Tolstoï.

K. Chohor-Trotsky.

V.

Les maisons de Kazan où vécut L. Tolstoï.
Description architecturale et historique de
ces maisons

V. Jeguéreff.

VI.

Leôn Tolstoï dans la peinture et la sculpture russe. Portrait de L. Tolstoï par I. Kramsky, G. Gay, I. Répine, N. Jarochenko (peintres appartenant au groupe des réalistes).

Les oeuvres de Répine, représentant Tolstoï au labour, au travail, au repos, méritent une certaine attention.

L. Tolstoï par les peintres modernes: L. Pasternac, L. Vinogradoff, V. Mechkoff, M. Nesteroff etc.

L. Tolstoï dans la sculpture russe: oeuvres de Aronçone, de Troubetskoï, de Guinsbourg, de Dillone, d'Andréeff et de Mercouroff.

P. Doulsky.

Оглавление.

	<i>Стр.</i>
<i>П. Галанза.</i> Предисловие	5.
<i>Н. Фирсов.</i> Толстой в университете . . .	7.
<i>М. Корбут.</i> Люди и идеи, влиявшие на Тол- стого в Казани	35.
<i>А. Вилькен.</i> Казанская жизнь Толстого .	63.
<i>К. Шохор-Троцкий.</i> Казанские знакомства Толстого	90.
<i>В. Егоров.</i> Толстовские дома в Казани . .	124.
<i>П. Дульский.</i> Л. Н. Толстой в изображении русских художников	134.
Краткое содержание на французском языке (Sommaire)	147.

Иллюстрации.

- 1) Л. Н. Толстой. Офорт Л. Пастернака. Собра-
ние Центрального Музея ТССР. (Прило-
жение).
 - 2) Дом № 9 на Поперечно-Казанской ул. (б. Гор-
талова), где жил Л. Н. Толстой . . . стр. 80.
 - 3) З. М. Молодцова в 1850 годах . . . стр. 113.
 - 4) Дом бывш. Киселева. Чертежа 1859 г. стр. 124.
 - 5) Дом быв. Горталова. Архитектор
Шмидт стр. 129.
-

